

Французские каникулы

Автор:

Даниэла Стил

Французские каникулы

Даниэла Стил

Компания многолетних друзей, собравшись на Рождество в уютной нью-йоркской квартире, планирует предстоящий отпуск и останавливает свой выбор на французском курорте Сен-Тропе. Каждый предвкушает счастливые дни у моря, безмятежную праздную жизнь на шикарной вилле...

Но события развиваются по неожиданному сценарию, и радужные планы друзей оказываются под угрозой...

Даниэла Стил

Французские каникулы

Глава 1

Диана Моррисон зажгла свечи на накрытом на шестерых столе в гостиной. Окна гостиной выходили на Центральный парк. Шторы были задернуты неплотно, и во тьме за окнами плясали и кружились, как в водовороте, белые снежинки. В этой квартире, большой и уютной, Диана и Эрик жили уже девятнадцать лет – девятнадцать из тех тридцати двух, что они были женаты, и боольшую часть этого времени их дочери тоже жили здесь с ними. Обе оставили родительский дом совсем недавно – Саманта, закончив колледж, перебралась в собственную

квартиру, а Кэтрин вышла замуж. Сэмми и Кэт были славными девочками – умными, веселыми, любящими, и Диана не знала с ними хлопот даже в их переходном возрасте, когда подростки обычно начинают конфликтовать с родителями. Но теперь они выросли, и Диане их очень не хватало.

Впрочем, им с Эриком было хорошо и вдвоем. В свои пятьдесят пять Диана все еще была очень хороша собой, и Эрик делал все, чтобы их чувства не остыли. На работе он слышал достаточно всяких историй и понимал, что нужно женщине больше всего. И Эрик старался изо всех сил. Недавно он перешагнул шестидесятилетний рубеж, но благодаря регулярным физическим упражнениям выглядел прекрасно. Он был высок, подтянут, широкоплеч и казался намного моложе своих лет. Год назад Эрик убедил Диану сделать пластическую операцию и слегка подтянуть кожу вокруг глаз. Он был уверен, что после этого она будет чувствовать себя увереннее, и оказался прав. Тонкая сетка морщин исчезла, и теперь Диана выглядела на десять лет моложе. А в полумраке гостиной, где она в последний раз проверяла накрытый для встречи Нового года стол, ее можно было бы принять и за тридцатилетнюю, если бы не пышные седые волосы, мерцавшие в колеблющемся свете свечей, как свежесвыпавший снег. Волосы у Дианы поседели рано, зато они остались такими же густыми, как в юности, и она продолжала стричь их под каре. Такая прическа делала особенно красивыми тонкие, точно фарфоровые, черты ее лица, на котором выделялись необычно большие, василькового цвета глаза, обрамленные густыми темными ресницами.

Эрик часто говорил Диане, что она так же хороша собой, как и много лет назад, когда они впервые познакомились. Тогда Диана работала сиделкой в пресвитерианской больнице округа Колумбия, а он был молодым врачом-резидентом и специализировался в акушерстве и гинекологии. Поженились они спустя всего полгода после первой встречи и с тех пор никогда не разлучались больше чем на месяц. Вскоре после первых родов Диана оставила работу и с тех пор занималась только домом и воспитанием дочерей. Эрик закончил резидентуру и основал собственную практику. Часто ему приходилось вставать по ночам и мчаться в больницу, чтобы принимать особо трудные роды, но Диана всегда относилась к этому с пониманием. Эрик был отличным врачом; его знания и опыт пользовались большим спросом, и Диана очень гордилась мужем.

С годами нью-йоркская практика Эрика становилась все обширнее и требовала все больше времени и сил. Один из его партнеров, с которыми он начинал, ушел на покой еще два года назад, другой отказался от практической деятельности и

занимался только консультациями, но Эрик по-прежнему не хотел оставлять работу. Ни бессонные ночи, которые он проводил в больнице, ни многочасовые операции не были ему в тягость. Такой распорядок работы был не по плечу и молодому врачу, но за многие годы Эрик к нему привык, да и Диана тоже. Во всяком случае, она почти не раздражалась, когда Эрик срочно уезжал на осложненные роды, а ей приходилось извиняться перед друзьями и знакомыми за то, что они не смогут прийти к ним на вечеринку или принять их у себя. Так они жили уже тридцать лет. Эрик мог работать и в выходные, и в праздники, и их друзья уже знали, что смогут увидеть чету Моррисон, только если им повезет, и ни у одной из пациенток доктора Моррисона не будет угрозы выкидыша, экстренных родов, неправильного предлежания плода или чего-то в этом роде. Сам Эрик с удовольствием рассказывал о подобных случаях, и было видно – он не просто считает свою работу важной и нужной, но и по-настоящему любит ее. Эрик принимал обоих сыновей у своей дочери Кэтрин, и это тоже характеризовало его как влюбленного в свое дело энтузиаста, поскольку большинство его коллег крайне неохотно пользовали своих близких родственников или друзей. В случае необходимости они предпочитали обратиться к Эрику, и он никогда не отказывал – настолько он был уверен в своих знаниях и тридцатипятилетнем практическом опыте.

Во многих отношениях они могли считаться идеальной парой, и судьба была милостива к ним. Их жизнь была беспроblemной и счастливой, сотканной из радостных и светлых дней, а брак – крепким и надежным. За все годы он не пошатнулся, и ни Диана, ни Эрик не могли бы припомнить, когда в последний раз они серьезно поспорили.

Теперь, когда их дочери выросли, Диана тоже нашла себе занятие по душе. Она работала добровольцем в благотворительном фонде Слоуна и Кеттеринга, организуя кампании по сбору средств для борьбы с онкологическими заболеваниями. Возвращаться к работе сиделки у нее не было ни желания, ни возможности. Возраст уже не позволял Диане ухаживать за больными в полную силу, к тому же теперь у нее были другие цели, другие интересы. Благотворительная деятельность, муж и двое внуков заполняли все ее время.

Услышав, что в гостиную вошел Эрик, Диана выпрямилась и обернулась к дверям. Он на мгновение остановился на пороге, их глаза встретились, и супруги нежно улыбнулись друг другу. Прожитые вместе годы не погасили их чувств – они все еще любили друг друга, как в юности, а их духовной близости можно было только позавидовать.

– Добрый вечер, миссис Моррисон. Выглядите просто чудесно... – проговорил Эрик, а его взгляд сказал Диане даже больше. По нему сразу было видно, как сильно он ее любит. У Эрика было еще совсем молодое, по-мальчишески открытое лицо и ясные голубые глаза почти такого же оттенка, как у нее, и только волосы – когда-то соломенно-желтые, а теперь серебристо-седые – выдавали в нем зрелого мужчину. В кремовом смокинге с бабочкой и сверкающих лакированных туфлях Эрик выглядел так, словно только что сошел со страниц модного журнала – костюм он носил с природной грацией и изяществом, хотя большую часть своего времени проводил в измятом, зачастую закапанном кровью врачебном халате. У него от природы была хорошая фигура, и он старался держать себя в форме. Каждое воскресенье Эрик катался в парке на велосипеде или играл в теннис. Кроме этого, он ежедневно играл с коллегами в сквош или плавал в бассейне. Из-за этого Эрик поздно возвращался домой, зато у него был все такой же подтянутый живот и широкие плечи, как в молодости, да и на корте он мог дать иным молодым несколько очков форы.

– С наступающим Новым годом, любимая, – добавил Эрик и, подойдя к столу, обнял Диану за плечи и поцеловал. – Во сколько они приедут?

Под словом «они» подразумевались две супружеские пары, которые были самыми близкими друзьями четы Моррисон.

– В восемь, – ответила Диана, проверяя охлаждающееся в ведерке со льдом шампанское и протягивая мужу бокал мартини. – За Энн и Роберта я, во всяком случае, ручаюсь, – добавила она. – Паскаль и Джон явятся, как обычно, без четверти двенадцать.

Услышав эти слова, Джон рассмеялся и, приняв из рук Дианы бокал, сделал хороший глоток.

– Боюсь, что ты права, – ответил он и кивнул.

Эрик и Джон Донелли вместе учились в Гарварде и продолжали дружить до сих пор. Это было тем более удивительно, что двух других таких непохожих мужчин трудно было себе представить. Они отличались, как ночь и день. Эрик был высоким, поджарым, спокойным, открытым, общительным и великодушным. Хорошее знание женской природы позволяло ему легко общаться со своими пациентками, с которыми он был неизменно любезен и вежлив. Джон, напротив,

был невысок, коренаст и кривоног, а основными чертами его характера были вспыльчивость и раздражительность. Он бывал крайне несдержан на язык, обожал спорить с женой и притворялся отчаянным бабником. Но на самом деле это была лишь маска. Джон был без ума от своей жены, хотя он скорее бы умер, чем признался в этом даже самым близким друзьям. Слушать, как он с ней разговаривает, было все равно что сидеть под обстрелом в окопе, благо Паскаль сама походила на гремучую смесь. Кому-кому, а своему благоверному она спуска не давала. Коренная парижанка, Паскаль познакомилась с Джоном, когда танцевала в труппе Нью-йоркского городского балета. Тогда ей было двадцать два, но и теперь – четверть века спустя – она оставалась все такой же миниатюрной и грациозной. У нее была превосходная фигура профессиональной танцовщицы, густые темно-каштановые волосы без единой седой пряди и большие зеленые глаза, напоминавшие изумруды чистой воды. Десять лет назад Паскаль оставила сцену и теперь преподавала современный балет в собственной студии. Впрочем, по ее собственному признанию, для нее это было лишь хобби. Главным же своим призванием Паскаль считала споры с мужем – изощренные, жаркие, напоминавшие то многочасовые шахматные баталии, то стремительные схватки рапиристов. Любовь к спорам, да еще, пожалуй, редкостная непунктуальность казались единственным, что было у них общего. Во всем остальном они были полной противоположностью друг другу.

Второй супружеской парой, которую ждали сегодня Моррисоны, были Энн и Роберт Смит. Познакомились они лет тридцать назад, когда Эрик принимал первого ребенка Энн, и с тех пор оставались близкими друзьями. По профессии Смиты были адвокатами. Энн уже исполнился шестьдесят один год, однако, несмотря на это, она продолжала не только консультировать клиентов, но и регулярно выступала в суде. Что касалось Роберта, то он был судьей в главном суде первой инстанции штата Нью-Йорк. Ему было шестьдесят три, и выглядел он вполне под стать своей должности. Высокий, худой, с резкими чертами лица и кустистыми черными бровями над пронзительными серыми глазами, Роберт казался порой слишком чопорным и неприступным, но под этой маской скрывалось доброе, любящее сердце. Он обожал жену и детей, которых у него было трое, и был надежным и преданным другом. Всех детей и внуков Смитов принимал Эрик, и Энн его буквально боготворила.

Роберт и Энн поженились еще в юридическом колледже и прожили вместе без малого сорок лет. Из всей шестерки они были самыми старшими и производили впечатление людей спокойных, уравновешенных, степенных. На их темперамент наложила свой отпечаток и профессия, однако ни Роберт, ни Энн никогда не были «сухарями». Напротив, в кругу друзей оба по праву считались самыми

радушными, отзывчивыми, готовыми поддержать любое безумное предприятие и прийти на помощь по первому зову. Спокойствие и степенность были их «фирменным» стилем, которого они придерживались при любых обстоятельствах. Смиты не буйствовали, как Джон и Паскаль, чья экстравагантность порой переходила все разумные пределы, и в отличие от Эрика и Дианы не прилагали никаких особенных усилий, чтобы выглядеть моложе своих лет. Возраст был написан на их лицах достаточно отчетливо, зато они были молоды в душе, и это чувствовалось и в манере говорить, и во взглядах, которыми они награждали окружающих и друг друга.

Все шестеро были связаны давней, крепкой дружбой и старались встречаться как можно чаще. Один или два раза в месяц они обязательно ужинали всей компанией, делясь своими радостями, надеждами и тревогами, обсуждали детей и их проблемы и от души сочувствовали Паскаль, которая так и не смогла забеременеть. Они с Джоном очень хотели иметь ребенка, однако и самые лучшие специалисты по искусственному оплодотворению, которых нашел Эрик, ничем не смогли ей помочь. Паскаль предприняла с полдюжины попыток, однако все они оказались тщетными – даже донорская яйцеклетка, оплодотворенная семенем мужа, раз за разом отторгалась, и Паскаль в конце концов совершенно отчаялась. Несколько раз она заводила разговор о том, чтобы усыновить ребенка, но наткнулась на неожиданно упорное сопротивление со стороны Джона, который не хотел об этом и слышать. Он говорил – он не желает воспитывать «чужих несовершеннолетних преступников», так как ему нужен свой – или никто. В конце концов Джон и Паскаль так и остались бездетными. Никаких перспектив на будущее у них не было, так как Джону уже исполнилось шестьдесят, да и Паскаль, хотя и не считала себя старухой (ей было сорок семь), уже утратила всякую надежду когда-нибудь стать матерью. Не имея под рукой никого, на кого можно было бы покрикивать, супруги Донелли с удовольствием шпыняли друг друга по самому малейшему поводу, причем проделывали это столь изобретательно и остроумно, что следить за их постоянными пикировками было сущим наслаждением. Постороннего человека их яростные баталии еще могли обмануть, но Смиты и Моррисоны никогда не принимали их всерьез, зная, что на самом деле Джон и Паскаль не могут ни дня прожить друг без друга.

Все три супружеских пары были неразлучны настолько, насколько им позволяли домашние дела и работа. Но отпуска и длинные праздничные уик-энды они всегда проводили вместе. Как правило, они снимали на всех летний дом на Лонг-Айленде или ездили в Европу, а однажды арендовали океанскую яхту и обогнули на ней Карибские острова. И всегда эти совместные путешествия приносили им только положительные эмоции. Они были очень разными людьми, однако их

психологическая совместимость была поистине поразительной. Смиты, Донелли и Моррисоны не только относились снисходительно к недостаткам и слабостям каждого из членов компании, но и понимали друг друга даже лучше, чем люди, связанные кровным родством. И в этом не было ничего удивительного. История их отношений насчитывала уже много лет; на таком фундаменте их дружба год от года становилась только крепче.

Совместная встреча Нового года тоже была их давней традицией, которой все три пары очень дорожили. За последние два десятилетия они не пропустили ни одного праздника. Вопросы, с кем встретить Новый год, перед ними никогда не стояло. Как его встретить и где – это они решали сообща. К Роберту и Энн они отправлялись, если им хотелось спокойного и мирного вечера, который заканчивался, как правило, вскоре после полуночи. Если же друзья были настроены кутить до утра, они ехали к Джону и Паскаль и наслаждались там шампанским и отличными винами из личных запасов супругов Донелли. Джон и Паскаль коллекционировали вина – и постоянно по этому поводу спорили: Паскаль была убеждена, что французские вина – лучшие в мире, а Джон, напротив, отдавал предпочтение калифорнийским маркам, утверждая, что любить французские вина – это снобизм и дешевое пижонство.

И все же чаще всего все шестеро собирались у Моррисонов. Их квартира была просторной и элегантной; повар, которого Диана приглашала для таких случаев, считался настоящим мастером своего дела, а вино, которое покупал Эрик, неизменно оказывалось превосходным. В этой обстановке каждый считал своим долгом выглядеть как можно лучше и вести себя подобающим образом. Даже Паскаль и Джон старались спорить не так яростно, однако это у них не всегда получалось, и остальные четверо время от времени ловили себя на том, что вместе с Паскаль и Джоном спорят о достоинствах вина той или иной марки или о том, куда лучше отправиться летом. Джону очень нравилась Африка, а Паскаль обожала юг своей родной Франции. Когда в запальчивости Паскаль начинала утверждать, что в Африке нет ничего, кроме жары и павианов, Джон обычно отвечал: «Зато во Франции живет твоя мама». Он терпеть не мог свою тещу, однако довольно удачно притворялся, будто ему не нравятся все французы в целом и их пристрастие к лягушкам под майонезом в частности. Паскаль не оставалась в долгу и довольно едко прохаживалась по поводу матери Джона – безобидной женщины, которая безвылазно жила в Чикаго и которая не сделала ей ничего плохого. Порой за столом кипели нешуточные страсти, однако, несмотря на это, все три супружеских пары буквально обожали друг друга. Их отношения выдержали испытание временем и сейчас были даже крепче, чем когда-либо. До сих пор они с нетерпением ждали очередной встречи и начинали

грустить и томиться, когда те или иные жизненные обстоятельства мешали им собраться вместе. Зато, когда они наконец встретались после долгой разлуки, их радости не было предела.

Ровно в семь часов пятьдесят девять минут в дверь позвонили. Диана пошла открывать, и – как они и ожидали – на пороге стояли Смиты. По случаю праздника Энн была в черном вечернем платье с высоким воротом, а Роберт – в светло-бежевом смокинге.

– Добрый вечер, с наступающим!.. – с улыбкой сказал Роберт и, слегка наклонившись, так как он был довольно высок, поцеловал Диану в щеку. – С наступающим, Эрик! Мы не опоздали?.. – На мгновение на лбу его появилась озабоченная морщинка – Роберт терпеть не мог опаздывать. – На улицах такие страшные пробки!.. – добавил он извиняющимся тоном.

Роберт и Энн жили в районе Восточных Восьмидесятых улиц, и, чтобы добраться до квартиры друзей, им действительно пришлось преодолеть довольно большое расстояние. В отличие от них Джон и Паскаль жили совсем рядом – около Линкольновского центра, но одному богу было известно, когда они появятся. Впрочем, сегодня у них было оправдание: на улице разыгралась настоящая снежная буря, а это означало, что поймать такси им будет нелегко.

Тем временем Энн сбросила с плеч теплую накидку и улыбнулась Диане. Несмотря на то, что она была всего на шесть лет старше подруги, выглядела она почти как ее мать. У Энн были совершенно седые волосы, собранные на затылке в аккуратный пучок, и карие глаза – такие темные, что на фоне светлой кожи они казались довольно маленькими. Косметикой Энн почти не пользовалась, считая, что в ее возрасте на это жалко тратить время. У нее были другие интересы. Энн просто обожала живопись, театр, музыку и книги; им она уделяла все свое свободное время, которого, по правде говоря, было не особенно много. Несмотря на возраст, Энн продолжала активно работать в семейной юридической фирме, где она специализировалась на защите прав детей. В последние годы она также организовала несколько программ по реабилитации женщин, подвергшихся жестокому обращению. За это Энн удостоилась нескольких наград от женских общественных организаций, и, хотя она утверждала, что все это пустяки и что на самом деле все, что она сделала, – это только капля в море, в глубине души она очень гордилась тем, что ее труд был отмечен. Юриспруденция была ее подлинной страстью, которую разделял и Роберт; оба они рьяно защищали детей и подвергшихся насилию женщин. Оба

придерживались довольно прогрессивных взглядов и были убежденными либералами. Какое-то время Энн всерьез подумывала о том, чтобы заняться политикой, но в конце концов оставила эту идею ради мужа и детей, предпочтя семейную жизнь общественному служению. Да и к известности она была равнодушна. Несмотря на свой огромный профессиональный опыт и способности, Энн была на удивление скромным человеком. Ее любимым занятием были длинные самоуничижительные речи, что, впрочем, не мешало Роберту гордиться ею. Каждый раз, когда Энн пыталась убедить друзей в том, что она – заурядный адвокат, не наделенный никакими особенными талантами, он приводил множество примеров, из которых следовало: его жена – один из лучших в стране специалистов по правам детей.

Когда Энн уселась на диван в гостиной, Эрик опустился рядом и дружески обнял ее за плечи:

– Ну, рассказывай: где вы пропадали все эти две недели? У меня такое впечатление, что мы не виделись целую вечность!

Как и всегда в конце декабря, Роберт и Энн провели две недели в Вермонте с детьми и внуками. У них было двое женатых сыновей и дочь, которая недавно закончила юридический колледж и жила отдельно, однако Смиты по-прежнему часто их навещали. И все же, где бы они ни были, что бы ни делали, в канун Нового года Роберт и Энн непременно возвращались в Нью-Йорк, чтобы встретить праздники со своими друзьями. За все время, что они были знакомы, они пропустили только один Новый год; тогда у Энн умер отец, и им пришлось поехать в Чикаго, чтобы организовать похороны и побыть с ее матерью. Но это был единственный случай; во все остальные годы шестерка неизменно собиралась в полном составе.

– Мы ездили в Шугабуш, – ответила Энн. – И прекрасно провели время, меняя малышам памперсы и разыскивая потерянные варежки, пока их родители катались на лыжах.

Говоря это, Энн улыбнулась. У них с Робертом было пятеро внуков и две невестки, которых, как подозревала Диана, Энн недолюбливала. Разумеется, она никогда не говорила об этом вслух, но ей не нравилось, что обе молодые женщины не работают. Сама Энн работала всю свою жизнь и гордилась этим, однако обсуждать невесток она позволяла себе только в разговорах с мужем.

– А как вы встретили Рождество? – в свою очередь спросила Энн и улыбнулась Эрику. Она относилась к нему как к родному брату.

– Неплохо, – ответил Эрик и кивнул. – Мы ездили к Кэтрин и Сэмми. Ее старший катался на санках и налетел на дерево, а младший засунул в нос горошину, и нам пришлось везти его в больницу. Это случилось как раз в сочельник, – закончил он со смехом.

– У нас тоже не обошлось без происшествий, – ответила Энн и слегка нахмурилась. – Один из мальчиков Джеффа сломал руку в горнолыжной школе. Это было ужасно! – добавила она с чувством. Но в глубине души Энн была рада, что ей больше не нужно заботиться о внуках. Она любила их, однако долгое общение с ними ее утомляло, и Роберт вполне понимал ее. Он тоже любил своих детей и внуков и был не прочь время от времени провести с ними недельку-другую, но гораздо больше ему нравилось проводить свободное время с Энн, от которой он до сих пор был без ума. Несмотря на то, что их брак насчитывал уже не один десяток лет, Роберт и Энн все еще были влюблены друг в друга, как в юности.

– Просто удивительно, как наши дети умудрились выжить и вырасти, – вставила Диана, вручая Энн бокал шампанского и присаживаясь рядом на диван. Роберт уже держал в руках такой же бокал; потягивая вино маленькими глотками, он с обожанием смотрел на жену. Она выглядела просто прекрасно; так он и сказал ей, когда они ехали к Моррисонам в такси.

– Не знаю почему, но мне кажется, что, когда наши дети были маленькими, все было как-то проще, – ответила Энн с улыбкой. – Возможно, впрочем, все дело в том, что тогда я больше работала и видела их только по вечерам.

И Энн улыбнулась Роберту. Как бы много они ни работали, у них всегда находилось время друг для друга, и это было одним из секретов их супружеского долголетия. Насколько она знала, абсолютное большинство ее друзей и подруг по колледжу успели уже по несколько раз жениться или побывать замужем, и только они с Эриком оставались верны друг другу.

– В последнее время жизнь стала слишком напряженной, а может быть, мои нервы уже не так крепки, как когда-то, – добавила она. – Я люблю детей, но иногда мне хочется просто посидеть спокойно. У нас в Шугабуше порой бывало

так шумно, что у бедняги Роберта просто раскалывалась голова. Я понимаю, что дети – народ непоседливый и шумный, но все хорошо в меру.

Они были рады, что вернулись домой; так они и сказали друг другу по пути к Моррисонам.

– Я уверен, что буду относиться к внукам куда лучше, когда окончательно состарюсь и оглохну на оба уха, – вставил свое слово Роберт, опуская свой бокал на журнальный столик. – Или когда они вырастут...

Он хотел добавить что-то еще, но тут зазвонил звонок, и все четверо невольно посмотрели на часы. Времени было всего половина восьмого, что означало – Донелли бьют собственный рекорд пунктуальности. Обычно они опаздывали на час-полтора, причем каждый обвинял в задержке другого. Впрочем, в этом отношении сегодняшний день не был исключением.

Эрик пошел открывать дверь, и уже через минуту из прихожей донеслись возбужденные голоса Паскаль и Джона.

– Простите за опоздание, но я здесь совершенно ни при чем. Это все Джон виноват! – услышали они высокий голос Паскаль, говорившей с сильным французским акцентом. Она прожила в Нью-Йорке больше тридцати лет и говорила по-английски практически безупречно, но от акцента так и не избавилась. Впрочем, она не особенно к этому стремилась. Как и много лет назад, Паскаль по-прежнему переходила на родной язык при каждом удобном и неудобном случае. Она разговаривала по-французски с официантами в ресторанах, с продавцами в магазинах, с парковщиками на стоянках и, разумеется, со своей матерью, которой Паскаль звонила не меньше трех раз в неделю. Джон утверждал, что на одних счетах за эти переговоры они могли бы разориться. Сам он принципиально отказывался учить французский, однако за двадцать пять лет брака научился понимать ключевые слова и мог произнести «Merde!»[1 - Merde (фр.) – дерьмо.], как чистокровный парижанин. – Джон просто не захотел ловить такси! – продолжала возмущаться Паскаль, пока Эрик помогал ей раздеться. – Он заставил меня ехать к вам на автобусе! Можешь себе представить?! Накануне Нового года, в вечернем платье – и в автобусе!.. Такое только ему могло прийти в голову!

И она сердитым жестом отбросила назад упавшую на лоб темную вьющуюся прядь. Волосы Паскаль были стянуты на затылке в крошечный тугий пучок. Эту прическу Паскаль носила, когда танцевала, не изменила она ей и теперь; и только по торжественным случаям – как сейчас – позволяла себе оставить свободной челку. Несмотря на то, что ей уже исполнилось сорок семь, в Паскаль до сих пор было что-то чувственное и изысканное. Она была тонкой, гибкой, миниатюрной, очень грациозной, и ее большие зеленые глаза возбужденно блестели, пока она пересказывала Эрику их скорбную повесть.

– Я вовсе не отказывался ловить такси! – возразил Джон. – Мы просто никак не могли найти свободную машину – только и всего!

– Как бы не так! – с горячностью возразила Паскаль. – Машин было сколько угодно, просто этот скряга не хотел раскошелиться и давать чаевые! пожалел свои паршивые доллары! Пусть лучше его жену насмерть задавят в автобусе!

То, что Джон отличается некоторой скуповатостью, его друзьям было прекрасно известно, однако в данном случае, учитывая канун праздника и снегопад за окнами, было не исключено, что он говорит правду. Как бы там ни было, обвинительная речь Паскаль нисколько его не задела, и когда Джон прошел в гостиную, чтобы приветствовать остальных, настроение у него было самое приподнятое.

– Всех с наступающим! – провозгласил он, пожимая руку Роберту и дружески целуя Энн и Диану. – Прошу извинить за опоздание, – добавил он спокойно. К пламенным ретирадам жены Джон давно привык; в конце концов, она была француженкой, и ее темперамент не позволял ей оставаться спокойной ни единой минуты. Она постоянно кипела, возмущалась, извергалась, точно вулкан, обвиняя супруга во всех смертных грехах. Сам Джон был не намного уравновешеннее; правда, на людях он старался сдерживаться, однако, когда Паскаль удавалось его как следует завести, он тоже не лез за словом в карман, и тогда поле брани заволакивалось едким пороховым дымом, в котором, словно ядра, пролетали весьма едкие эпитеты. Посторонних это обычно шокировало, но Моррисоны и Смиты знали, что у их друзей несколько необычный стиль общения.

Внешне Джон и Паскаль были совсем разными. Она, как и подобает балетной танцовщице, казалась хрупкой, словно фарфоровая статуэтка. Джон, напротив, был коренаст и широкоплеч, с могучей грудной клеткой, сильными ногами и руками. В Гарварде он играл в хоккей с шайбой; его даже приглашали в

профессиональную команду, но он предпочел посвятить себя бизнесу. Джон и Паскаль напоминали Кэтрин Хэпберн и Спенсера Трейси, тоже бывших когда-то супружеской парой, о чем им не раз говорили друзья.

– И вас обоих тоже! – ответила Диана, протягивая Джону бокал шампанского. – Паскаль, ты сегодня просто очаровательна, – прибавила она, и это была суцая правда. Паскаль действительно была очень хороша собой, хотя ее красота была несколько экзотической – по крайней мере, для Нью-Йорка, где большинство жителей были светлокожими и сероглазыми.

– Итак, друзья мои, – заговорила Паскаль, – как вы встретили Рождество? Лично у меня никакого праздника не было, – добавила она без малейшей паузы. – Джону не понравился костюм, который я ему купила. А он... он подарил мне микроволновую печь! На Рождество! Можете себе представить? Я до сих пор спрашиваю себя, почему не газонокосилку или набор слесарных инструментов?!

У нее был такой возмущенный вид, что остальные не выдержали и рассмеялись, а Джон поспешил отразить выпад.

– Набор инструментов тебе бы не помешал, – заметил он. – Ведь ты постоянно ломаешь то свою, то мою машину. К сожалению, – добродушно добавил Джон, поворачиваясь к остальным, – моя жена до сих пор очень плохо водит и так рвет с места, что сцепление буквально дымится.

– Я вожу машину лучше, чем ты, – холодно возразила Паскаль и пригубила шампанское. – Ты так говоришь только потому, что... Да ты мне просто завидуешь, вот! Ты до сих пор боишься садиться за руль; во всяком случае, каждый раз, когда мы бываем в Париже, мне приходится возить тебя по городу.

– В Париже я не боюсь ничего, кроме твоей матери, – огрызнулся Джон, и Паскаль, картинно закатив глаза, повернулась к Роберту.

Роберт очень любил разговаривать с Паскаль. Как и Энн, он был равнодушен к классическому балету и хорошим театральным постановкам. На эти темы Роберт и Паскаль способны были говорить буквально часами. Кроме того, время от времени Роберт практиковался с ней во французском, который изучал еще в школе, и при этом делал такие чудовищные ошибки, что Паскаль буквально корчилась от смеха. Как и большинство ее соотечественников, она бывала

безжалостна к тем, кто говорит по-французски неправильно.

В течение следующих двух часов вся компания приятно беседовала, не спеша потягивая шампанское. Джон в конце концов все же признался, что решил ехать на автобусе, чтобы сэкономить, и друзья добродушно над ним подтрунивали. Для них это тоже была своего рода традиция. Джон, впрочем, не обижался – напротив, ему нравилось быть в центре всеобщего внимания.

Эрик и Энн разговаривали о лыжном сезоне в Шугабуше, и Диана, прислушивавшаяся к их беседе краем уха, неожиданно сказала, что ей очень хочется снова покататься на лыжах, но не в Шугабуше, а в Аспене, куда они с Робертом ездили два года назад. Роберт и Паскаль обсуждали современный балет; Диана и Джон говорили об экономической ситуации в стране, о состоянии рынка ценных бумаг и о кое-каких капиталовложениях, которые супруги Моррисон сделали за последние два месяца. Джон заведовал инвестиционным отделом крупного банка и готов был говорить о бизнесе с каждым, кто соглашался его слушать. В целом же интересы всех членов компании были весьма схожи; они с легкостью переходили с серьезных тем на более легкие и наоборот, и время летело незаметно. Когда Диана пригласила гостей к столу, Энн как раз сообщила Эрику, что ее старший сын и его жена снова ждут прибавления. Пятеро внуков у нее уже было, а «где пять, там и шесть», – спокойно закончила она.

– Слава богу, меня никто никогда не будет называть бабушкой! – небрежно заметила Паскаль, однако все присутствующие знали, что на самом деле она относится к этим вопросам далеко не так спокойно, как можно было заключить из ее слов. И Моррисоны, и Смиты хорошо помнили времена, когда Паскаль регулярно сообщала им с надеждой, какие лекарства она принимает и какое лечение проходит. В течение года Джон делал ей по три укола в день, однако все это ни к чему не привело – забеременеть Паскаль так и не смогла. Нечего и говорить, что и для нее самой, и для Джона это было ужасное время; Паскаль была близка к полному отчаянию, и только поддержка друзей помогла ей справиться с собой и не наделать глупостей. Со временем Паскаль примирилась с судьбой. Когда ей перевалило за сорок, она стала все чаще и чаще задумываться о том, чтобы усыновить малыша, оставшегося без родителей, но против этого неожиданно восстал Джон. В приводимых им доводах была своя логика, однако для Паскаль его позиция означала окончательный приговор. Она поняла, что никогда не будет иметь ребенка – ни своего собственного, ни приемного, а ведь это было ее заветной мечтой! Как бы там ни было, Паскаль

сумела примириться со своим положением. В последние годы она почти не думала о детях (так, во всяком случае, она утверждала) и лишь криво улыбалась, когда друзья заводили разговор о своих взрослых детях и внуках. В сорок семь лет думать о ребенке было, пожалуй, действительно поздно, и усыновление было ее единственным шансом, но увы! – Джон так и не изменил своей точки зрения, хотя друзья и пытались его уговорить. Он понимал, как много значит для Паскаль возможность иметь ребенка, но, несмотря на это, продолжал стоять на своем. Джон не хотел содержать, воспитывать и любить чужого ребенка, раз уж судьба не подарила ему собственных детей. Не хотел и не мог – даже ради Паскаль, и в конце концов Эрик и Роберт оставили свои попытки переубедить его. Им – и их женам – оставалось только сочувствовать друзьям и лишний раз не заговаривать о своих многочисленных детях и внуках.

Сегодня, впрочем, все внимание друзей было поглощено накрытым столом и стоявшим на нем угощением. Диана не только умела выбирать самые изысканные блюда; наделенная от природы прекрасным художественным вкусом, она не упускала ни одной мелочи, и сервированный ею стол напоминал настоящее произведение искусства. Кроме цветочных букетов (орхидеи в сочетании со стрелицией королевской выглядели на редкость изысканно), Диана расставила по всему столу крошечные серебряные колокольчики и затейливые серебряные подсвечники, из которых торчали тонкие свечи белого воска. Вышитая льняная скатерть, которой был покрыт стол, принадлежала еще ее матери и тоже выглядела очень эффектно.

– Просто не знаю, как тебе каждый раз удается создавать такую красоту! – всплеснула руками Энн, восхищенно глядя на подругу. Диана, склонив голову, стояла рядом со столом в белом атласном платье, плотно облегавшем ее подросточьи стройную фигуру. Она была почти в такой же хорошей форме, как Паскаль, которая была моложе ее почти на полтора десятка лет и к тому же до сих пор танцевала со своими учениками не менее пяти часов в день. Энн в этом отношении повезло меньше. Ее лицо оставалось по-прежнему привлекательным, однако она была выше, массивнее, осанистее подруг и потому казалась несколько тяжеловатой. Время от времени Энн полушутливо жаловалась, что рядом с ними она выглядит, как антилопа-гну, затесавшаяся в стадо газелей, однако на самом деле это ее не особенно беспокоило. Энн была умна, уверена в себе и своих силах, и с ней было приятно общаться. Кроме того, Роберт все еще очень любил ее, и это тоже придавало Энн уверенности. Она знала – когда он говорит, что женщины красивее он еще никогда не встречал, он говорил это искренне.

– Прошу к столу! – сказала Диана, и Эрик, обняв ее за плечи, нежно поцеловал и поблагодарил за хлопоты. Услышав это, Паскаль мрачно поглядела через стол на своего супруга.

– Если бы ты сделал что-нибудь подобное, – сказала она, – со мной мог бы случиться сердечный приступ или что-нибудь похуже. Ты никогда не целуешь меня и не благодаришь. Никогда и ни за что, хотя – бог свидетель! – я буквально из кожи вон лезу, чтобы тебе угодить!

Она частенько жаловалась, что Джон относится к ней без должного внимания, однако ни сейчас, ни раньше в ее голосе не было ни злобы, ни раздражения.

– Огромное тебе спасибо, дорогая, – ответил Джон, благодушно улыбаясь, – за все те полузамороженные полуфабрикаты, которые ты оставляешь для меня в холодильнике.

И он весело рассмеялся. Это была чистая правда – Паскаль часто задерживалась в своей танцевальной школе и не всегда успевала приготовить Джону нормальный ужин.

– Как ты можешь такое говорить! – вспылила Паскаль. – Кто приготовил тебе бобы с индейкой два дня назад? А на прошлой неделе?! Разве не я оставила для тебя целую курицу в вине? Куда ты ее дел? Ведь стрескал же! Стрескал и спасибо не сказал, будто так и надо! Нет, дорогой, ты просто не заслуживаешь, чтобы я для тебя готовила!

– Конечно, нет, – снова улыбнулся Джон. – Ведь я готовлю лучше тебя!

– Чудовище! – бросила Паскаль, сверкая зелеными глазами. – Имей в виду, Джон Донелли, я не поеду домой на автобусе. Я поеду в такси, поеду одна, а ты добирайся как знаешь! – В эти минуты она выглядела как самая настоящая француженка, и друзья прониклись невольным уважением к ее галльскому темпераменту.

– На это я и рассчитывал, – невозмутимо заметил Джон и подмигнул Диане, которая как раз подала устриц. Все шестеро друзей очень любили блюда из морепродуктов, поэтому на сегодня в качестве главного блюда у Дианы был запланирован омар «Термидор», после которого она собиралась подать салат и

сыр, купленный специально для Паскаль, утверждавшей, что она чувствует себя обманутой каждый раз, когда после главного блюда вместо сыра или ветчины подают какую-нибудь траву под майонезом. На десерт была приготовлена тихоокеанская треска в лимонной глазури, которую Эрик обожал, а все другие горячо одобряли. Меню, таким образом, было по-настоящему праздничным, и все предвкушали приятный и спокойный вечер. – Господи, нигде я не ем так вкусно, как у тебя! – заметил Джон, когда Диана появилась из кухни, держа на вытянутых руках блюдо с только что вынутой из духовки треской, и под дружные аплодисменты поставила ее на стол. – Послушай, Паскаль, почему бы тебе не взять у Дианы пару рецептов вместо того, чтобы кормить меня кровяной колбасой, кишками, мозгами, почками и прочей гадостью?

– Ты бы никогда не позволил мне тратить деньги на нормальную еду, – хладнокровно парировала Паскаль. – Кроме того, ты сам сказал, что тебе нравятся мозги. Очевидно, своих у тебя не хватает.

– Я солгал, – быстро нашелся Джон. – Больше всего на свете я люблю запеченную треску и омаров, – добавил он, лучезарно улыбнувшись хозяйке дома.

Услышав это заявление, Роберт усмехнулся. Постоянные пикировки супругов Донелли забавляли его даже теперь, после двадцати пяти лет знакомства, и точно так же относились к ним и остальные. Ни Моррисоны, ни Смиты никогда не волновались за Джона и Паскаль. Впрочем, и собственные браки тоже казались им очень крепкими, а партнеры – верными и надежными. И это было вдвойне удивительно в сегодняшнем мире, в котором было так много уродливого, странного, проходящего. Им всем посчастливилось найти идеальных спутников жизни, и за это они не переставали благодарить судьбу. Впрочем, и отношения между всеми тремя парами отличались редкой гармонией; их союз был союзом настоящих, верных друзей, которых теперь осталось так мало. Роберт любил называть их компанию «шесть мушкетеров», и хотя их интересы были очень разными – зачастую даже противоположными, – это не мешало оставаться друзьями.

Было уже начало двенадцатого, когда в завязавшемся общем разговоре Энн случайно упомянула о том, что в этом году и Джону, и Эрику исполнилось шестьдесят и что теперь она не чувствует себя такой древней (самой Энн шестьдесят исполнилось в прошлом году).

– Да, Энн права: шестьдесят – возраст солидный, особенно для мужчин. У женщин-то, как известно, не бывает возраста. Словом, я считаю, что это нужно как-то отпраздновать, – сказала Диана, когда гости сели пить кофе и Джон закурил свою ритуальную сигару. Из всей компании постоянно курили только он и Паскаль, которая то и дело позволяла себе одну-две затяжки – особенно после плотного обеда в обществе друзей. Мода на курение среди женщин пришла сравнительно недавно, но Паскаль покуривала всегда – даже когда танцевала на сцене. У нее в столе или в сумочке всегда лежала пачка французских «Галуаз», и, как ни странно, сигарета шла ей, несмотря на ее хрупкое телосложение.

– У тебя есть какие-нибудь предложения? – лениво проговорил Роберт, улыбнувшись жене. – Может быть, нам всем стоит отправиться в клинику косметической хирургии и сделать себе подтяжку лица? Я имею в виду мужчин, разумеется, – ведь наши женщины ни в чем подобном не нуждаются!..

Услышав эти слова, Эрик не сдержался и заговорщически подмигнул Диане. О том, что она побывала в кабинете пластической хирургии, они не сказали даже друзьям – это был их маленький секрет. Эрик сам нашел Диане врача, не желая, чтобы она обращалась к подругам за советом.

– А что? По-моему, небольшая операция пойдет Джону на пользу! – добавил Роберт, в упор глядя на друга. В самом деле, в последнее время у него появилось несколько глубоких морщин возле глаз и в уголках рта, но они странным образом ему шли, придавая лицу Джона выражение мужественное и решительное.

– Ему не подтяжка нужна, а липосакция, – проворчала Паскаль и, щурясь от дыма, поглядела на мужа. – Иначе он скоро перестанет умещаться в кресле.

– Это все из-за кровяной колбасы и мозгов с горошком, которыми ты меня кормишь, – прокурорским тоном заявил Джон.

– А если я перестану тебя ими кормить? – осведомилась Паскаль.

– Тогда я тебя просто задушю, – отозвался Джон, делая зверское лицо и одновременно протягивая жене сигару, чтобы она могла затянуться. Паскаль затянулась дважды и зажмурилась от удовольствия.

– Да нет, я серьезно! – проговорила Диана, бросив взгляд на часы и убедившись, что до полуночи остается еще полчаса – вполне достаточно времени, чтобы обсудить ее идею. – Надо же как-то отпраздновать тот факт, что наши мужчины достигли настоящего совершеннолетия!

Из всех шестерых только ей и Паскаль еще не было шестидесяти, и Диана вовсе не спешила пересекать этот рубеж. В самой цифре «шестьдесят» ей чудилось что-то значительное и... неотвратимое.

– Почему бы нам не отправиться вшестером в еще одно путешествие? – предложила она.

– Но куда? Куда мы поедем?! – театрально воскликнул Роберт, но в глазах его сверкнул огонек интереса. Он и Энн любили бывать в экзотических странах. Каждый раз, когда позволяла работа, они вместе отправлялись в какое-нибудь место, где «еще не ступала нога белого человека». Прошлым летом они побывали в Индонезии, чуть не погибли во время массовых беспорядков и... остались очень довольны приключением. Во всяком случае, оба утверждали, что этой поездки они не забудут до конца жизни, что было очень похоже на правду.

– Как насчет Кении? – с надеждой осведомился Джон. – Мне бы очень хотелось снова побывать на настоящем сафари!

– Ты только перепугаешь всю африканскую живность! – с презрением ответила Паскаль. Несколько лет назад она ездила с мужем в Ботсвану в национальный охотничий заповедник и осталась очень недовольна тем, что ей пришлось жить в палатке, отмахиваться от мух и комаров и каждую минуту ждать, что на них наступит один из слонов, которые разгуливали вокруг лагеря, нисколько не боясь людей. Впрочем, она бы не согласилась ехать куда-то, кроме Парижа, даже если бы ей предложили самые лучшие условия. В Париже у Паскаль было полно друзей и родственников, с которыми она мечтала повидаться, однако подобная перспектива не устраивала Джона. Он терпеть не мог ходить с Паскаль к ее родственникам и знакомым и слушать бесконечные разговоры «на их лягушачьем языке», как он выражался, из которых он не понимал ни слова, да и не хотел понимать. Джон обожал жену, но ее родня не вызывала у него никаких чувств, кроме раздражения.

– Я ненавижу Африку, ненавижу грязь и мух, – заявила Паскаль решительно. – У меня есть предложение получше. Давайте лучше все вместе двинем в Париж, а? Уверю вас: мы чудесно проведем время!

– С твоей матерью, что ли?.. – проворчал Джон, заново раскуривая сигару, которая успела погаснуть. – Бьюсь об заклад: мадам Жардин будет на седьмом небе от счастья, если мы все остановимся у нее. Только предупреждаю: каждое утро нам придется стоять в очереди, чтобы попасть в ванную комнату, потому что моя дражайшая теща имеет привычку сидеть там по полчаса, не меньше! Она, видите ли, прихорашивается, прежде чем выйти на улицу, и все равно у нее такое лицо, что... Если бы в Париже сохранились конные экипажи, от нее бы, наверное, лошади шарахались! Кроме того, существует еще тещина мама...

В словах Джона было рациональное зерно. Как и в большинстве парижских квартир, в доме его тещи была только одна ванная комната, а ведь, кроме нее, там действительно жила и девяностодвухлетняя бабушка Паскаль, а также ее вдовая тетка – сестра матери. Присутствие этих трех женщин буквально сводило Джона с ума каждый раз, когда они с Паскаль приезжали навестить ее родственников. В таких случаях он «нутром чувствовал», что единственный способ поправить дело – это двойной бурбон[2 - Бурбон – популярное в США кукурузное виски прямой перегонки, получило свое название от округа Бурбон в штате Кентукки, где первоначально производилось.], однако в баре матери Паскаль не было ничего крепче, чем ликер «Дюбоннэ» и сладкий вермут, так что в последний визит в Париж Джон предусмотрительно захватил виски с собой. Впрочем, даже он вынужден был признать, что вино, подававшееся в тещином доме к обеду, было превосходным. Все дело было в том, что покойный отец Паскаль был большим ценителем хороших вин и ее мать многому от него научилась. Но это, увы, было единственным, что нравилось ему в его теще.

– Не смей говорить гадости о моей маме и бабушке! – возмутилась Паскаль. – Кроме того... Я не знаю, какой была твоя бабка, зато твоя мать действительно бывает невыносима!

– Что ж, она, по крайней мере, говорит по-английски!

Джон собирался сказать еще что-то, но ему помешала Диана.

– С моей мамой тоже очень трудно ладить! – примирительно сказала она, и все собравшиеся невольно рассмеялись. Они встречались с родителями Дианы несколько раз, и ее отец пришелся друзьям весьма по душе. Что касалось ее матери, то Диана никогда не делала секрета из того, что мать порой буквально сводит ее с ума своей организованностью, аккуратностью и привычкой командовать всем и вся. – И все-таки, куда бы мы могли поехать, чтобы все были довольны? – продолжала она. – Как насчет того, чтобы снова побывать на Карибах? Или, может, на этот раз вы предпочитаете что-то более экзотическое, например, Буэнос-Айрес или Рио-де-Жанейро?

– Говорят, в Рио сейчас небезопасно, – высказалась Энн. – Моя кузина ездила туда в прошлом году, и что вы думаете? У нее украли весь багаж и прямо на улице вырвали из рук сумочку, в которой лежал паспорт. Разумеется, в конце концов Марианне выдали в посольстве новые документы, но отпуск все равно был испорчен. Теперь она поклялась, что больше никогда не поедет в Рио! Кроме того, зачем забираться в такую даль? Мехико ничем не хуже Рио, зато там намного безопаснее!

– А может быть, двинем в Японию? Или в Китай? – неожиданно предложил Роберт, которому идея Дианы начинала нравиться. – На худой конец, можно отправиться в Гонконг. Говорят, там можно купить множество интересных вещей!

– Да чем вам Франция-то не угодила?! – возмутилась Паскаль, нервно теребя челку, и все снова рассмеялись, а Джон в комическом отчаянии воздел к потолку руки. Они с Паскаль ездили в Париж каждое лето. – Нет, я серьезно!.. – продолжала Паскаль. – Давайте снимем виллу где-нибудь на юге – в Провансе, на Антибах или в Изе... Пойдите-пойдите, а как вам нравится Сен-Тропе? Это действительно превосходное место, там можно чудесно отдохнуть и...

Джон собирался что-то возразить, но Диане эта мысль показалась интересной.

– Почему бы нет? – сказала она. – Снимем приличный дом со всеми удобствами и проживем в свое удовольствие... Быть может, кто-то из друзей нашей Паскаль поможет нам подобрать что-нибудь удобное и не слишком дорогое. Мне кажется, это будет даже интереснее, чем путешествовать по азиатским или африканским джунглям, где можно легко подхватить малярию, дизентерию и всякую другую дрянь! К тому же я, Эрик и Энн довольно прилично говорим по-французски и сумеем объясниться в ресторане или супермаркете, а в особенно

трудных случаях нам поможет Паскаль. Ну, что скажете?

Энн ненадолго задумалась, потом кивнула.

– Мне кажется, это хорошее предложение, – сказала она. – Мы с Робертом и детьми отдыхали в Сен-Тропе лет десять назад, и мне там очень понравилось. Это престижный курорт: природа и климат замечательные, теплое море, кормят прекрасно, люди приветливые и дружелюбные.

Говоря это, Энн слегка покраснела. Несмотря на присутствие детей, они с Робертом провели там весьма романтическую неделю, и она никак не могла об этом забыть.

– Мы могли бы арендовать дом на целый месяц, – поддержала ее Диана. – Я слышала, что самое чудесное время на Средиземноморье – это август. И... – Она повернулась к Джону: – Обещаю тебе, что мы не подпустим твою тещу к нашему дому и на пушечный выстрел.

Джон усмехнулся в ответ:

– К счастью, в этом не будет особой нужды. Обычно моя теща каждый август ездит в Италию, так что меня... Нас она беспокоить не будет.

– Вот видишь, как хорошо все складывается! – обрадовалась Диана. – Ну, что вы все скажете?

Друзья еще немного подумали и по очереди кивнули. В этом предложении действительно что-то было. Само название – Сен-Тропе – звучало необычно и завораживающе, и хотя ожидать от этого популярного курорта какой-то особой экзотики все же не стоило, у него были свои плюсы. Сен-Тропе был цивилизованным и очень приятным приморским городком на юге Франции, где можно неплохо отдохнуть. И даже если допустить, что им наскучит сидеть на одном месте, никто не помешает им арендовать яхту и объехать всю Французскую Ривьеру.

– Да, мне нравится твое предложение, – сказал Роберт, и Эрик поспешил поддержать друга.

– Я тоже голосую за Сен-Тропе, – торжественно сказал он. – Весь вопрос в том, сумеем ли мы найти подходящий дом. Что скажешь, Паскаль?.. Может, поручить это дело тебе? Ты практически местная, тебе и карты в руки.

– Что ж, я согласна, – кивнула Паскаль. – В Париже у меня есть несколько знакомых агентов-риелторов. На худой конец, этим могла бы заняться моя мама, если, конечно, бабушка будет достаточно хорошо себя чувствовать.

– Нет уж, – неожиданно вмешался Джон, который довольно долго молчал. – Давай обойдемся без мадам Жардин, ладно? Я абсолютно уверен, что твоя мамаша специально выберет дом, который мы возненавидим с первого взгляда. Пусть лучше этим займутся твои знакомые агенты.

Он просто не мог не сказать своего слова, однако в целом Джон одобрял предложенный план. Сен-Тропе хотя и находился на территории Франции, давно стал международным местом отдыха и не ассоциировался в его сознании с ненавистными Джону «пожирателями лягушек».

– Значит, принято единогласно! – подвела итог Диана, еще раз оглядев собравшихся за столом друзей. – В августе едем в Сен-Тропе.

При этих ее словах Паскаль невольно просияла. Она была очень рада возможности провести отпуск на юге Франции со своими лучшими друзьями. Даже Джон не нашелся, что возразить; судя по всему, эта затея пришлась по душе и ему, хотя из одного только упрямства он старался этого не показывать.

Между тем Эрик заметил, что до полуночи остались считанные минуты, и поспешил поднять свой бокал.

– С Новым годом, друзья! – провозгласил он, вставая. – С Новым годом, дорогая! – И он поцеловал Диану. Роберт наклонился к Энн и, обняв за талию, вполголоса пожелал в новом году всего самого прекрасного и доброго. Паскаль, обойдя стол, звонко чмокнула в щеку Джона. Вокруг него все еще плавали пласты дыма от сигары, но Паскаль ничего не имела против табачного привкуса, который она ощутила, когда в ответ Джон поцеловал ее в губы с несколько большим пылом, чем она ожидала. Несмотря на громкие перепалки, их брак был таким же крепким, как у остальных, а чувства – даже более горячими, поскольку у них не было детей, которые бы отвлекали Паскаль и Джона друг от друга.

– Скорей бы уж наступал этот август! – воскликнула она, когда Джон наконец выпустил ее из объятий. – Я уверена – это будет что-то совершенно фантастическое, непередаваемое, волшебное!

– В противном случае нам придется просто тебя убить, – заметил ее супруг. – Ведь это была твоя идея. Так что уж постарайся – найди нам дом получше. Заранее предупреждаю: я не потерплю никаких полуразвалившихся бунгало с клопами и тараканами, которые твои соотечественники имеют обыкновение выдавать за отели первого класса. Разузнай все получше, дорогая, чтобы не рисковать своей жизнью.

– Обещаю, что найду лучший дом во всем Сен-Тропе! – с горячностью воскликнула Паскаль и уселась мужу на колени. Новый год они встретили и могли теперь вернуться к обсуждению своих планов на будущее. Пока не было ничего конкретного, что стоило бы обсудить, однако все шестеро были уверены, что прекрасно отдохнут в Сен-Тропе.

И это действительно была превосходная идея – самая подходящая для встречи Нового года.

Глава 2

В следующий раз вся шестерка собралась две недели спустя у Джона и Паскаль в Вест-Сайде. Вечер выдался холодный и дождливый, однако и Смиты, и Моррисоны прибыли вовремя. Оставив в прихожей мокрые плащи и зонтики, они вошли в гостиную и с интересом огляделись.

Убранство квартиры Донелли всегда отличалось экстравагантностью, к тому же оно часто менялось. Повсюду на стенах висели африканские маски, стояли современные скульптуры и лежали антикварные безделушки, привезенные Паскаль из Франции. Полы были устланы настоящими персидскими коврами, которые стоили целое состояние, а на огромном комодe красного дерева громоздились сувениры из разных экзотических стран, в которых Паскаль побывала с балетной труппой. Среди них были даже русская матрешка и самовар, который ей подарили после выступления в Большом театре в Москве.

Но, несмотря на это, смешение стилей, приглушенный свет и доносящиеся из кухни аппетитные запахи создавали в жилище Донелли уютную, почти домашнюю атмосферу. Роберт, отличавшийся тонким обонянием, сразу определил, что сегодня Паскаль приготовила грибное фрикасе и кролика в горчичном соусе. И не ошибся. По замыслу Паскаль, кролик должен был стать главным блюдом, к которому полагалось шампанское. Специально по этому случаю Джон купил несколько бутылок «От-Брион».

– Как вкусно пахнет! – лукаво заметила и Энн, гревшая руки у камина, пока гости передавали друг другу блюдо с холодными закусками. – Неужели мозги с горошком способны издавать такой аромат?

– Не верь ноздрям своим! – тут же сострил Джон, наливая каждому по бокалу аперитива. – Ведь ты прекрасно знаешь, кто готовил сегодняшней ужин! – И он заговорщически подмигнул.

– Ну и что?! – бросила ему Паскаль и вернулась в кухню, чтобы еще раз проверить, как там поживают кролик и грибы. Вскоре она вернулась и, взяв со стола бокал с аперитивом, объявила друзьям, что у нее есть для них хорошие новости.

– Какие же? – осведомился Роберт.

– Сейчас расскажу. – И Паскаль с размаха уселась на обтянутый темно-вишневым бархатом мягкий диванчик, стоявший напротив камина. На каминной полке, на журнальных низких столиках горели в затейливых подсвечниках толстые свечи, освещавшие фотографии, на которых была запечатлена Паскаль – одна или в составе труппы Нью-йоркского балета.

– Кажется, я нашла то, что нам нужно! – выпалила Паскаль, с торжеством оглядываясь по сторонам.

– А именно? – уточнила Диана. Одета в безупречный брючный костюм, она удобно откинулась на спинку кресла и потягивала из высокого бокала шампанское, которое всегда предпочитала аперитиву. Впрочем, лицо у нее было усталое и немного бледное – всю прошедшую неделю она очень много работала, организуя очередную кампанию по сбору средств для онкологического центра

Слоуна и Кеттеринга. Эрик тоже не спал три ночи подряд, принимая одни сложные роды за другими. В целом, вся компания выглядела сегодня какой-то необычайно тихой, словно все ее члены сильно устали.

– Я нашла для нас дом! – Паскаль вскочила и подошла к высокому бюро-буль, которое они с Джоном купили в Лондоне много лет назад. Достав из ящика бюро толстую пачку фотографий, она вернулась к друзьям.

– Voila! Это именно то, что мы искали! – сказала она, с беспокойством оглянувшись на мужа, но тот на сей раз промолчал – он уже видел эти фото, и хотя стоимость аренды казалась ему чересчур высокой, Джон признал, что дом ему нравится. Это была элегантная, ухоженная вилла в стиле пятидесятых годов, окруженная живописными садами и лужайками и стоящая почти на самом берегу моря. На берегу имелся причал, у которого была пришвартована небольшая, но очень симпатичная парусная яхта, обещавшая им всем немало счастливых минут. Особенно довольны должны были быть Эрик и Роберт – страстные яхтсмены и рыболовы. На фото, отображавших интерьер виллы, были видны обставленная во французском провинциальном стиле просторная гостиная, пять больших спален и столовая, способная вместить не меньше полутора десятков человек. Лишь кухня показалась друзьям слишком старомодной, однако и она была по-своему уютна. В ней, во всяком случае, был свой шарм. В проспекте, прилагавшемся к снимкам, говорилось, что на вилле постоянно проживают горничная и садовник, который в случае необходимости может выполнять обязанности шофера.

Внимательно рассмотрев фотографии, друзья пришли к выводу, что Паскаль была права: лучшего и желать было нельзя. Любопытно, что вилла называлась «Coup de Foudre» – как объяснила Паскаль, это французское идиоматическое выражение означало и «удар молнии», и «любовь с первого взгляда». Как сообщил ей риелтор, как раз в августе вилла была свободна, однако ее владельцы хотели узнать как можно скорее, будет ли миссис Донелли с друзьями снимать ее или нет. Учитывая превосходное состояние дома и ажиотажный спрос на любое жилье в разгар сезона, такое требование нельзя было не признать разумным.

– Мне очень нравится этот домик, – заметила Диана. – Выглядит он, во всяком случае, превосходно, – добавила она, задумчиво перебирая фотографии. – Вы заметили – там есть даже две гостевых комнаты, так что, если кому-то из нас захочется пригласить друзей или детей, они никому не помешают. Кроме того, я

рада, что у нас будет горничная. Я люблю готовить, но терпеть не могу мыть посуду!

– Да, это очень удачно, – согласилась Паскаль. Она была очень довольна, что ее друзьям дом понравился. – Только... только просят за него дороговато, – нерешительно проговорила она. – Но если разделить всю сумму на три части, получается не так уж много...

При этих словах Джон картинно закатил глаза, но даже он не мог не признать, что затребованная плата не была непомерно высокой. И если женщины возьмут на себя всю готовку и не станут каждый вечер ходить в дорогие рестораны, что ж... В этом случае он был почти готов раскошелиться.

– Ты думаешь, дом действительно так хорош, как выглядит на снимках? – спросил Роберт, проявляя присущую ему осторожность. Одновременно он накладывал себе на тарелку новую порцию холодных закусок. Что бы там ни говорил Джон, кулинарное искусство Паскаль было выше всяких похвал. Почти все прелестные маленькие канапе были уже съедены, и Роберт с Эриком невольно принюхивались к доносившимся из кухни запахам.

– Не понимаю, зачем им нас обманывать? – удивленно пожала плечами Паскаль. Тот же самый вопрос задал ей и Джон, но он, скорее всего, просто искал повод для очередного спора. – У агентства, услугами которого я воспользовалась, очень хорошая репутация, но если хотите, я могу попросить маму, чтобы она съездила в Сен-Тропе и взглянула на дом своими глазами.

– Боже, только не это! – воскликнул Джон. – Не надо вмешивать в это дело твою мать! Она обязательно проболтается, что я – богатый американский банкир, и владельцы сразу увеличат стоимость аренды по меньшей мере вдвое.

На его лице отразилось самое неподдельное страдание, и, глядя на него, друзья невольно рассмеялись.

– Дом выглядит просто идеально, – рассудительно заметила Энн, которая с самого начала поддержала предложение Паскаль. – Думаю, надо соглашаться, пока его кто-нибудь не перехватил. Ну а если он окажется чуть менее привлекательным, чем на фото, – не беда. Сами подумайте – в каком ужасном состоянии должна быть вилла, чтобы нам не захотелось прожить в ней месяц на

юге Франции? Я считаю, что нам следует сегодня же отправить владельцу или владельцам факс и сообщить, что мы согласны, – решительно закончила она, дружески улыбнувшись Паскаль. – Ты прекрасно поработала, дорогая, – сказала она мягко.

– Спасибо! – Паскаль в ответ улыбнулась. Она была вдвойне довольна тем, что, во-первых, сумела угодить друзьям, а во-вторых, ей очень нравилась перспектива прожить в милой сердцу Франции почти все лето. Паскаль каждый год проводила в Париже часть июня и весь июль, а теперь в ее распоряжении был еще и август.

– Сделаем так, как говорит Энн, – согласился с женой Роберт. – Лично мне очень нравится, что в доме есть гостевые комнаты. Я уверен, что наши дети захотят навестить нас в Сен-Тропе. Если, конечно, никто не станет возражать...

– Что ты, какие возражения! Готов биться об заклад, наши дети тоже захотят подышать целебным средиземноморским воздухом, – рассмеялся Эрик, и Диана кивнула в знак согласия.

– Я не знаю, сумеет ли муж Кэтрин выхлопотать на работе небольшой отпуск, – сказала она, – но в любом случае наша дочь была бы счастлива побывать в Сен-Тропе с обоими мальчиками. Что касается Саманты, то она просто без ума от всего французского.

– Я тоже. – Энн улыбнулась. – Значит, все согласны? Посылаем факс?..

Роберт, взяв листок бумаги, быстро подсчитал, какую сумму придется уплатить каждой паре. Когда он перевел франки в доллары, Джон картинно схватился за сердце, однако в глубине души даже он знал, что такой большой дом стоит этих денег.

– Итак, решено, – подвел итог Роберт, выглядевший очень довольным. Он уже знал, что сумеет взять отпуск в августе, и был рад, что у Энн получатся такие замечательные каникулы. В последнее время она часто выглядела усталой и не раз признавалась, что ей приходится работать чересчур много. Роберт даже предлагал ей подумать об отставке. С возрастом он начал сознавать, что жизнь и без того слишком коротка, чтобы проводить все свое время в суде или в конторе, готовя дела к очередному слушанию, но Энн и слышать не хотела о

том, чтобы отойти от дел. Для этого она слишком любила свою работу, да и среди клиентов Энн пользовалась заслуженной известностью. Из-за этого ей часто приходилось работать не только по вечерам, но и по воскресеньям, и это начинало сказываться, однако Энн ни за что не соглашалась уменьшить выпадавшую ей нагрузку, и Роберт был близок к отчаянию. Он не считал себя стариком, но признавал: в лучшем случае он проживет еще лет двадцать – двадцать пять, и ему очень хотелось провести оставшееся время с Энн. Но не считаться с ее желаниями он тоже не мог.

– А ты уверена, что твои клиенты сумеют прожить без тебя целый месяц? – спросил он у жены. Роберт боялся, что Энн не выдержит без своей любимой работы и недели, но на этот раз он, к счастью, ошибся. Энн молча кивнула в ответ, и в глазах ее вспыхнул решительный огонек. Очевидно, перешагнув шестидесятилетний рубеж, она тоже задумалась о бренности всего сущего и решила хотя бы раз в жизни воспользоваться долгим отпуском.

– Ты и вправду так думаешь? – снова спросил Роберт и, прижав жену к себе, нежно поцеловал. Он тоже любил свою работу, но еще больше он любил Энн, и ему каждый раз становилось не по себе, когда он думал о том, что в последние три года они почти не отдыхали, так как каждый раз им приходилось возвращаться к делам гораздо раньше, чем они планировали. «Ну ничего, – мстительно подумал Роберт, – уж в Сен-Тропе-то клиентам до нас не добраться!»

Энн угадала, о чем он думает.

– Обещаю, что пробуду с тобой весь месяц! – торжественно пообещала она. Похоже, Энн действительно верила в то, что говорила, но Роберт знал: какое-нибудь особенно сложное дело все же может заставить ее изменить свое решение. Но сейчас он старался об этом не думать.

– В таком случае эта вилла стоит всех денег, которые нам придется за нее заплатить! – сказал он и, взяв Энн под руку, повел в столовую, куда позвала гостей Паскаль.

– Не столько вилла, я думаю, сколько яхта, – поддразнила Энн мужа, когда они садились за стол. Она, однако, не имела ничего против этой страсти Роберта. Напротив, ей самой очень нравилось ходить под парусом, а те дни, когда сразу после свадьбы они с Робертом прожили три месяца на мысе Код и каждый день

выходили на яхте в океан, навсегда остались в ее памяти как самая счастливая пора ее жизни.

Весь вечер шестеро друзей обсуждали предстоящий отдых в Сен-Тропе. Говорили они и о своей работе, о детях, однако главной темой все же оставался дом. Даже когда вечер подошел к концу и, сидя у камина, они смаковали «Шато д'Икем», тепло огня казалось им предвестником удивительных, сказочных дней, которые они проведут на берегу лазурного Средиземного моря. Даже Джон позабыл о своих сомнениях и думал о том, что предстоящее лето может стать одним из лучших в его жизни.

– Я могла бы даже приехать туда на пару дней раньше, чтобы все организовать и купить все необходимое, – предложила Паскаль. – Мне это будет совсем не трудно!

– Стоит ли? – усомнился Роберт. Судя по рекламной брошюре риелторского агентства, вила была полностью укомплектована постельным бельем, полотенцами, кухонной утварью и прочим. Кроме того, горничная, которая постоянно жила на вилле, наверняка знала, что может понадобится новым постояльцам, и должна была приготовить все заранее, благо времени было еще достаточно. Но Паскаль не сдавалась – ей очень хотелось поступить по-своему.

– Если я приеду туда хотя бы на пару дней раньше, – уверенно заявила она, – вам вообще не придется ни о чем беспокоиться!

Это заявление заставило улыбнуться даже ее мужа, и в конце концов друзья единогласно избрали Паскаль своей квартирершей.

Была уже почти полночь, когда друзья наконец разошлись. Моррисоны и Смиты уехали в одном такси. Дождь так и не прекратился, однако непогода никак не повлияла на их настроение, которое было поистине замечательным. В машине они продолжали весело болтать, и только Энн почти не принимала участия в общем разговоре. Откинувшись на сиденье, она лишь устало улыбалась, и Роберт невольно встревожился.

– Энн, дорогая, как ты себя чувствуешь? – заботливо спросил он, когда они высадили Эрика и Диану и такси повернуло к их дому. Энн выглядела совершенно измотанной, и Роберт снова подумал о том, что она совершенно

загнала себя работой.

– Я в полном порядке, – ответила Энн, но ее голосу недоставало убежденности. – Просто я думала о том, как хорошо будет провести месяц в этом чудесном доме. С тобой... – добавила она и улыбнулась. – Когда еще мы сможем так отдохнуть? Представляешь, целый месяц мы будем только купаться, читать, плавать на яхте и удить рыбу! Жаль только, что до августа еще целых восемь месяцев!

– Не восемь, а семь, – поправил Роберт. – И потом, это не такой уж большой срок. Ты сама не заметишь, как быстро пролетит время.

Такси остановилось напротив их дома на Восемьдесят девятой улице, и Роберт с Энн поспешили войти в подъезд, спасаясь от холодного проливного дождя. Меньше чем через минуту они были уже в своей квартире, и Роберт, помогая Энн снять плащ, снова заметил, что сегодня она как-то необычно бледна.

– Мне кажется, – начал он нерешительно, – тебе не помешало бы взять небольшой отпуск прямо сейчас, – сказал он. – Может быть, мы могли бы съездить куда-нибудь денька на четыре? В ту же Мексику или в Калифорнию – там, по крайней мере, тепло и нет дождя...

Роберт был не на шутку обеспокоен – ведь дорожке Энн у него никого не было. Он любил ее даже больше, чем детей. Энн была для него не только женой, но и другом – человеком, которому Роберт мог довериться в любых обстоятельствах. Она была центром, опорой, на которой держалась вся его жизнь, и он всегда берег ее и заботился о ней. Когда Энн была беременна или болела, Роберт обращался с ней так, словно она была стеклянной. По складу своего характера он был человеком заботливым и внимательным, и Энн это особенно нравилось. Ей казалось – его нежность, мягкость, терпение удивительны. Эти качества Энн подметила в Роберте чуть не в тот день, когда они впервые встретились, и последующие годы совместной жизни показали, что она не ошиблась. Во многих отношениях Энн была даже жестче мужа – жестче, практичнее, сильнее и гораздо меньше его была склонна прощать. Когда речь шла о защите прав клиентов – или о ее собственных детях, Энн бывала беспощадна, но сердце ее безраздельно принадлежало Роберту. Она редко говорила ему об этом, но их чувства и не нуждались в словах – особенно теперь, когда, выдержав испытание временем, они стали еще крепче.

Впрочем, в молодости они часто говорили о своих планах, надеждах, мечтах. Правда, начинал разговор всегда Роберт, ибо его романтическая натура не позволяла ему молчать, когда воображение так ясно рисовало череду удивительных и счастливых лет, ожидавших их впереди. Энн с самого начала была более приземленной и больше интересовалась сегодняшним днем, однако слушала она его с удовольствием. Иногда она в шутку называла мужа мечтателем, но теперь, оглядываясь назад, Энн не могла не признать, что многое он угадал точно. Все их мечты сбылись, и ни он, ни она не могли пожаловаться, что судьба была к ним неблагосклонна.

И теперь, по прошествии почти четырех десятилетий, прожитых в любви и согласии, им больше не о чем было мечтать. Они уже не строили планов, не надеялись, не старались заглянуть в будущее – они просто жили, наслаждаясь каждой проведенной вместе минутой и благодаря богу за все, что он дал им в своей неизъяснимой милости. Единственной трагедией, которую им довелось пережить, была потеря их четвертого ребенка – дочери, которая умерла через несколько дней после рождения. Эта смерть очень подействовала на Энн, но благодаря поддержке Роберта она сумела справиться с этим ударом. Зато сам Роберт оплакивал свою девочку на протяжении еще нескольких лет. До сих пор он время от времени заговаривал о ней, и тогда в его глазах появлялась невысказанная печаль. В отличие от него Энн почти не тосковала о дочери – не в ее характере было горевать о том, что ей не суждено было иметь. Вместо этого она предпочитала радоваться тому, что у нее есть, но, зная мягкосердечие мужа, она старалась быть к нему внимательной и не задевать его сокровенных чувств. И это ей удавалось. Самой природой Энн была лучше приспособлена к ударам судьбы и всегда старалась по мере сил оградить от них Роберта.

– Какие у тебя планы на завтра? – негромко спросил Роберт, когда, надев голубую фланелевую рубашку, Энн легла в постель рядом с ним. Ее нельзя было назвать красавицей, однако во всем ее облике было что-то бесконечно привлекательное и благородное. Во всяком случае, Энн до сих пор волновала Роберта, и он совершенно искренне считал, что с годами она стала еще интереснее, чем была в юности. Энн действительно принадлежала к тому редко встречающемуся типу женщин, которые с возрастом только хорошеют, но Роберт постиг это сначала сердцем, и только потом – рассудком.

– На завтра? – переспросила Энн и зевнула. – Для начала я собираюсь как следует выспаться, а там видно будет. Может, сходим в кино?

Они оба обожали кино, особенно итальянские или французские ленты – не комедии, а те, что были посерьезнее. В особенно душещипательных местах Роберт, как правило, не мог сдержать слез, и Энн, когда была моложе, посмеивалась над его «сентиментальностью», как она это называла. Сама Энн никогда не плакала в кино, но ей нравились нежное сердце и чувствительность мужа.

– Что ж, я «за», – немедленно ответил Роберт. Они с Энн любили одни и те же фильмы, одну и ту же музыку и книги, интересовались одними и теми же людьми, и поэтому им никогда не бывало скучно вдвоем. Правда, в начале совместной жизни разница в их вкусах была значительной, но со временем все различия стерлись. Теперь их жизнь напоминала теплую пуховую постель, лежать в которой обоим было уютно и приятно.

– Я рада, что Паскаль нашла такой замечательный дом, – сонно пробормотала Энн, склонив голову на плечо мужа. – Я уверена, мы вместе чудно проведем время...

– В самом деле, скорее бы лето. Мы бы покатались на яхте... – ответил Роберт, прижимая ее к себе. Когда они одевались, чтобы ехать к Джону и Паскалю, он решил, что вечером, вернувшись, они обязательно займутся любовью, однако Энн казалась ему настолько усталой, что он подумал – с его стороны было бы настоящим свинством требовать от нее ласк сейчас. Да, Энн работала слишком много, и он мысленно пообещал себе серьезно поговорить с ней утром. Уже давно он не видел ее такой усталой и вымотанной. Вот и сейчас она заснула почти мгновенно, и Роберт подумал, что хороший отдых им просто необходим.

Вскоре он тоже заснул и проснулся в четыре утра, так как ему показалось, что Энн нет рядом. Прислушавшись, он действительно услышал, как она кашляет в ванной комнате. Судя по всему, ее тошнило, и Роберт, приподнявшись на локте, с беспокойством посмотрел на полоску света под дверь. Он ждал, что Энн вот-вот вернется в кровать, однако примерно десять минут спустя все звуки прекратились, и Роберт, обеспокоенный этой внезапной тишиной, встал с кровати и сунул ноги в ночные туфли. Подойдя к двери ванной комнаты, он постучал, но Энн не ответила.

– Энн, что с тобой? – Он постучал громче, но Энн не откликнулась. Из ванной по-прежнему не доносилось ни звука, и Роберт всерьез испугался. – Энн? Что случилось? Тебя тошнит? – с тревогой спросил он. Приготовленный Паскаль обед

был очень вкусным, но слишком обильным и тяжелым для желудка. Роберту даже пришлось принять на ночь таблетки, чтобы избавиться от изжоги.

Выждав еще минуту, Роберт осторожно повернул ручку двери и заглянул в ванную. Его жена лежала на полу; ее ночная рубашка расстегнулась, волосы разметались по кафельной плитке. Энн действительно вырвало, но сейчас она была без сознания; ее лицо стало пепельно-серым, а губы посинели.

Взглянув на жену, Роберт похолодел.

– О господи! – воскликнул он и, наклонившись, взял Энн за руку, чтобы проверить пульс. Пульс прощупывался, но ему показалось, что Энн не дышит, и он заколебался, не зная, то ли пытаться вернуть ее к жизни, то ли звонить в «Службу спасения». В конце концов Роберт выскочил в спальню, схватил с тумбочки сотовый телефон и вернулся к Энн. В ванной он набрал 911 и, ожидая соединения, несколько раз несильно встряхнул Энн и позвал по имени. Но все было напрасно. Энн не приходила в себя, и Роберт со страхом увидел, что ее губы приняли еще более ярко выраженный синюшный оттенок.

Наконец «Служба спасения» ответила, и Роберт, торопясь и сбиваясь, назвал дежурному свое имя, адрес и причину вызова.

– Моя жена лежит без сознания на полу в ванной и почти не дышит! – не сказал, а почти выкрикнул он.

– Может быть, она ударилась головой? – деловито осведомился дежурный, и Роберт постарался справиться с собственным страхом и подступившими к самому горлу слезами.

– Я... я не знаю, – ответил он. – Может быть, когда падала... – Он судорожно вздохнул: – Пожалуйста, приезжайте, сделайте что-нибудь!

Склонившись к самому лицу Энн, Роберт прижался щекой к ее носу, но по-прежнему не уловил ни малейшего намека на дыхание. Когда же он попытался проверить пульс, ему удалось это далеко не сразу. Пульс был таким слабым, что едва прощупывался. Казалось, Энн вот-вот умрет, а он ничего не мог сделать!

- Пожалуйста, помогите ей! - воскликнул он. - Она умирает!

- Машина уже выехала, - успокоил его дежурный. - Но мне необходима дополнительная информация. Сколько лет вашей жене?

- Шестьдесят один, - ответил Роберт и всхлипнул.

- Не было ли у нее в последнее время каких-нибудь сердечных заболеваний?

- Нет, Энн не болела. Она просто очень, очень устала. Она так много работала, и... - Не договорив, Роберт положил телефон на пол и стал делать Энн искусственное дыхание изо рта в рот. Вскоре он услышал, как она вздохнула, однако большего ему добиться не удалось. Лицо Энн оставалось серым, как асфальт, и Роберт поспешно схватил телефон. - Она... Я не знаю, что с ней случилось. Может быть, она потеряла сознание, упала и ударилась головой... Перед этим ее вырвало...

- Не жаловалась ли ваша жена на боли в груди накануне вечером? - уточнил дежурный.

- Н-нет, кажется, не жаловалась. Мы спали, и... Я проснулся оттого, что услышал, как ее тошнит в ванной комнате. Сначала я думал - она вот-вот вернется, но ее слишком долго не было. В конце концов я пошел посмотреть, что случилось, и увидел, что она лежит без сознания на полу... - До слуха его донесся пронзительный вой сирен, и Роберт мысленно взмолился, чтобы это была «Скорая» для его Энн. - Я, кажется, слышу сирену... это ко мне? К нам?.. - спросил он слабым голосом.

- Вероятно, - ответил дежурный. - Опишите, пожалуйста, состояние вашей жены. Она дышит?

- Да... Нет... Я не уверен. Энн... Она выглядит просто ужасно! - Роберт не выдержал, и из глаз его полились слезы. Он не знал, что происходит, и был в самой настоящей панике.

Пока он старался взять себя в руки, раздался звонок домофона, и Роберт бросился открывать. Дверь на площадку он тоже оставил открытой, а сам снова

поспешил к Энн.

Через несколько секунд в ванную торопливо вошли прибывшие на «Скорой» парамедики. Их было трое, и они сразу заняли почти все свободное пространство, вытеснив Роберта в коридор. Опустившись рядом с Энн на колени, один из парамедиков выслушал ее сердце при помощи стетоскопа, заглянул в зрачки и распорядился уложить Энн на носилки. Все трое обменивались между собой короткими фразами, среди которых Роберт уловил смутно знакомое слово «дефибриллятор».

Потом двое парамедиков покатали носилки к выходу, и Роберт едва успел накинуть пиджак и сунуть ноги в ботинки. Сунув в карман куртки сотовый телефон и бумажник, он захлопнул дверь квартиры и побежал по лестнице вниз. К тому времени, когда он спустился на улицу, носилки уже грузили в «Скорую». Роберт тоже забрался внутрь, и машина сразу же тронулась, оглашая спящие окрестности протяжным воем сирен.

– Что случилось? Что с ней такое? – взволнованно спрашивал он у парамедиков. Он боялся, что Энн могла подавиться и теперь медленно погибала от удушья, но один из парамедиков объяснил, что у нее был сердечный приступ. Другой тем временем разрезал на Энн ночную рубашку и приложил к ее груди контакты дефибриллятора. При виде обнаженного тела жены Роберт испытал подсознательное желание как-то прикрыть ее, но он понимал, что сейчас не до соблюдения приличий. Энн выглядела так, словно уже стояла на пороге смерти. Ее сердце остановилось, и парамедики пытались запустить его вновь.

– Разряд!..

Тело Энн содрогнулось от мощного электрического разряда, и Роберт почувствовал себя так, словно электрический ток пропустили через его сердце.

– О, господи, Энн! Ты должна жить, должна! – шептал он, не чувствуя слез, которые катились по его лицу. – Ну пожалуйста!.. – добавил он, беря ее за руку. – Не умирай! Не оставляй меня одного!

В конце концов сердце Энн, словно откликнувшись на его молитвы, все же заработало, и парамедики надели ей кислородную маску. Ее лицо слегка порозовело, однако даже Роберту было очевидно, что Энн все еще угрожает

серьезная опасность. Пожалуй, еще никогда в жизни он не чувствовал себя таким беспомощным и несчастным. Ведь только недавно они ужинали с друзьями, строили планы на лето, собирались идти в кино, а теперь?.. И как он только мог ничего не почувствовать, не предугадать?.. Он бы сделал все возможное и невозможное, только бы Энн была здорова.

Парамедики были слишком заняты, чтобы разговаривать с ним, но они не выглядели встревоженными, и у Роберта немного отлегло от сердца. Пока они переговаривались по рации с ближайшей больницей, он достал сотовый телефон и дрожащими руками набрал номер Эрика. Времени было половина пятого утра, но Эрик взял трубку уже на втором звонке. Он привык к неожиданным ночным звонкам, и поэтому ему можно было звонить в любой, даже самый поздний час. Впрочем, сейчас Роберту было не до церемоний.

– Роберт, я везу Энн в больницу, – проговорил он дрожащим голосом. – У нее сердечный приступ. Она едва не умерла – сердце остановилось, и врачи только недавно сумели... – «...Сумели ее оживить», – хотел сказать он, но так и не сумел выговорить это последнее слово. – Боже мой, Эрик, если бы ты ее только видел!.. У нее совсем серое лицо, а губы синие-синие, как у... утопленницы.

Он всхлипнул и не смог продолжать. Эрик в своей спальне встал с кровати, включил лампу и, не отрывая трубку от уха, попытался свободной рукой нашарить на стуле джинсы и рубашку. Он старался действовать очень осторожно, чтобы не побеспокоить спящую Диану, но она все же пошевелилась. Как и Эрик, Диана привыкла к ночным вызовам в больницу и часто даже не просыпалась, но сегодня тревожное предчувствие заставило ее открыть глаза. Прищурившись от яркого света, она посмотрела на мужа.

– Ты говоришь – Энн все еще без сознания? – негромко переспросил Эрик.

– Да... С тех пор как я нашел ее на полу в ванной, она так ни разу и не пришла в себя. Я подумал – может быть, она ударилась головой... Не знаю, Эрик, у нее такой вид, словно она... словно ее... – Он с трудом подбирал слова, боясь высказать вслух то, что страшило его больше всего.

– Куда ты ее везешь? – спросил Эрик.

– Я... Я вызвал «Скорую помощь». Кажется, мы едем в больницу на Ленокс-Хилл.

Эрик знал эту больницу, она располагалась всего в нескольких кварталах от его дома.

– Я буду там через пять... нет, через семь минут, – пообещал он. – Встречу вас в реанимации или в интенсивной терапии кардиологического отделения. Не волнуйся, Робби, с Энн все будет в порядке! Только держи себя в руках, договорились? Не теряй голову!

Ему очень хотелось подбодрить друга, к тому же он верил, что все действительно обойдется. Ведь шестьдесят один год в наше время – не такой уж солидный возраст, рассуждал Эрик. Уж конечно, у Энн впереди еще полтора-два десятка лет!

– Спасибо, – сдавленным голосом ответил Роберт и дал отбой. Парамедики держали дефибриллятор наготове, но сердце Энн билось хотя и слабо, но ровно. Минут через пять машина уже въехала на территорию больницы и остановилась у дверей приемного покоя, где уже ждала бригада врачей. Они укрыли Энн мягким одеялом, прежде чем Роберт успел что-либо сказать, быстро покатали носилки по коридору. Боясь потерять Энн из вида, Роберт бросился вдогонку.

Энн отвезли в палату интенсивной терапии кардиологического отделения, а Роберт остался в коридоре. Здесь он сразу почувствовал себя ненужным. Только сейчас Роберт заметил, что на нем – пижамные брюки, которые нелепо торчали из-под теплой куртки, однако его это не смутило. Единственное, чего ему сейчас хотелось, это быть рядом со своей Энн. Роберт доверял врачам, но ему не хотелось, чтобы Энн оставалась с чужими людьми.

Пару минут спустя из палаты вышел врач-ординатор; он задал Роберту несколько вопросов и вернулся назад. А еще минут через десять в больничном коридоре появились Эрик и Диана. По вопросам, которые задавал Роберту Эрик, она сразу догадалась, что с Энн что-то неладно, и настояла на том, чтобы ехать в больницу вместе. Впрочем, выглядели они относительно спокойными, так как ни один из них не верил, что с Энн может произойти что-то действительно серьезное.

Диана осталась с Робертом, а Эрик, сбросив плащ, прошел в палату интенсивной терапии. Он сам был врачом и единственный из близких друзей мог задать грамотные вопросы и разобраться с полученными ответами. Но когда Эрик

вернулся, по его лицу было видно, что новости у него неутешительные, хотя он и старался держать себя в руках.

– Сердце снова остановилось, – сказал Эрик в ответ на вопросительные взгляды жены и друга. – Бедная Энн!

На самом деле, с тех пор, как Энн доставили в больницу, сердце ее останавливалось уже дважды. В первый раз врачам удалось справиться с фибрилляцией сравнительно быстро, но вскоре оно снова отказалось работать. Кроме того, дежурный кардиолог сказал, что ему внушают опасения основные показатели состояния организма Энн – нитевидный пульс, поверхностное дыхание, пониженная температура, скачущее давление. Судя по этим признакам – и не только по ним, – Энн балансировала на грани жизни и смерти, и чем все закончится – не мог сказать никто.

– Когда это случилось? – спросил Эрик у Роберта, которого Диана крепко держала за руку. Не сдержав слез, Роберт начал рассказывать, и Эрик обнял его за плечи.

– Я... Я не знаю, – дрожащим голосом говорил Роберт. – Я проснулся в четыре оттого, что Энн кашляла в ванной...

– Кашляла? – удивился Эрик.

– Ну да! Ее буквально наизнанку выворачивало, и я подумал, что она съела слишком много жирного. Несколько минут я ждал, но потом все стихло, и я пошел посмотреть, что происходит. Когда я заглянул в ванную, она лежала на полу и была без сознания.

– А вчера вечером, когда вы вернулись домой, Энн не жаловалась на боли в груди? – спросил Эрик озабоченно. Он расспрашивал друга только затем, чтобы отвлечь от пугающих мыслей. На самом деле, когда и как начался у Энн сердечный приступ, уже не имело значения. Важно было только то, что он оказался очень сильным, и дежурный кардиолог сомневался, сумеет ли Энн выжить. Все это были очень тревожные признаки, но Эрик все еще надеялся на лучшее.

Роберт отрицательно покачал головой.

– Нет, Энн не жаловалась. Правда, она выглядела очень усталой, но когда я спросил, что с ней, она ответила, что чувствует себя хорошо. Мы говорили об отпуске – о том, как хорошо нам будет в доме, который нашла Паскаль. А сегодня мы собирались пойти в кино... – Роберт всхлипнул и не смог продолжать. Голова у него кружилась, и, глядя на Диану, которая продолжала держать его за руку, он видел перед собой лишь ее расплывчатый, неясный силуэт. Потрясение, которое он пережил, было таким сильным, что Роберту самому было в пору оказывать медицинскую помощь.

– Как вы думаете, может быть, нужно позвонить детям? – спросил Роберт после долгой паузы. – Мне кажется, я должен им сообщить, но мне не хотелось бы их пугать.

– Я сама позвоню, – негромко ответила Диана. – Ты помнишь номера?

Роберт продиктовал ей номера, и Диана, записав их на вырванном из блокнота листке, отправилась в вестибюль, оставив Роберта с Эриком. Она хорошо знала их детей и готова была взять на себя эту тяжелую обязанность.

– Боже мой! – проговорил Роберт, которого Эрик заставил сесть. – Что, если Энн...

– Потерпи немного, – перебил его друг. – И постарайся успокоиться. Бывало, люди выживали и в более серьезных случаях. А если ты сейчас расклеишься, этим ты ей не поможешь. Возьми себя в руки, Робби. Ради Энн ты должен быть сильным!

– Я... я не могу без нее, – сдавленным голосом отозвался Роберт. – Не могу без нее жить, понимаешь?!

Про себя Эрик все время молился, чтобы все кончилось хорошо, но, как врач, он сомневался в благополучном исходе. Каково придется Роберту, если Энн умрет, он старался не думать. Он знал, как преданы друг другу были Энн и Роберт, как счастливы были вместе на протяжении без малого четырех десятков лет. Сам Эрик давно воспринимал их как одно целое, и в этом не было ничего удивительного. Недаром же было сказано: «да будут двое одна плоть», и в полном соответствии с этим библейским изречением, супруги, которые прожили

вместе много лет, часто становились похожи друг на друга как две половинки одного и того же яблока.

– Ты должен держаться, – повторил Эрик, похлопав друга по плечу. Он хотел сказать что-то еще, но в это время вернулась Диана. Она сумела дозвониться всем трем детям Энн и Роберта, и они сказали, что приедут в самое ближайшее время. Оба их сына жили в Верхнем Ист-Сайде, а дочь Аманда – в Сохо, на Манхэттене, однако в столь ранние утренние часы (недавно пробило пять) найти свободное такси было довольно легко.

– Мне разрешат ее увидеть? – со страхом и робкой надеждой в голосе спросил Роберт. Еще никогда он не чувствовал себя таким слабым и беспомощными, неспособным даже на самое простое дело. Это было тем более странно, что Роберт всегда считал себя сильным человеком, да и Энн так считала. Но теперь вся его жизнь рухнула, и он оказался в чужом и равнодушном мире совершенно один, без помощи, без поддержки. Единственное, что Роберт беспрестанно видел перед собой, это чужое, почти мертвое лицо Энн, когда она лежала на кафельном полу их ванной комнаты. И ужас охватывал его с новой силой.

– Я думаю, тебя к ней пустят, как только ей станет лучше, – сказал Эрик с уверенностью, которой не чувствовал. – Сейчас врачи стараются, гм-м... привести ее в сознание, и это далеко не все. Им нужно сделать еще очень многое, а твое присутствие в палате может им помешать.

Роберт кивнул и закрыл глаза, и Диана, опустившись рядом с ним на диванчик, снова взяла его за руку. Она тоже молилась про себя, чтобы Энн осталась жива, но ничего не стала говорить Роберту. Ему и так было тяжело.

В томительной неизвестности прошло еще несколько минут, потом Роберт неожиданно открыл глаза.

– Я должен ее видеть! – воскликнул он громко. У него был безумный вид, и Эрик поспешил успокоить его, сказав, что сейчас он сходит и посмотрит. Он действительно вошел в палату интенсивной терапии, однако открывшаяся ему картина не внушала оптимизма. Энн подключили к аппарату искусственного дыхания, и половину ее лица скрывала устрашающего вида маска-респиратор, от которой в стороны отходили шланги подачи кислородной смеси. С полдюжины мониторов на столе у стены мигали красными и зелеными

огоньками, попискивали, чертили на экранах сложные кривые, а в вены на обеих руках Энн были введены капельницы. Вокруг суетились врачи. Дежурный кардиолог отдавал резкие, четкие команды, а остальные выполняли их, как матросы беспрекословно выполняют команду капитана идущего ко дну корабля.

Эрику хватило одного взгляда, чтобы понять: Роберта нельзя сюда пускать, в противном случае он окончательно падет духом. Впрочем, судя по всему, ему бы все равно не разрешили войти в палату: врачи были очень заняты, и посторонний человек только путался бы у них под ногами.

Когда Эрик снова вышел в коридор, там уже нервно ходили оба сына Роберта и Энн. Спустя несколько минут подъехала и дочь Аманда. Джефф и Майкл виделись с Энн только позавчера, а Аманда разговаривала с матерью по телефону буквально за полчаса до ее поездки к Донелли, и теперь все трое были потрясены, растеряны, сражены ужасной вестью. Ведь только позавчера мама выглядела как обычно, ни на что не жаловалась и казалась совершенно здоровой, полной сил и энергии. И вот теперь она лежит в больничной палате, цепляясь из последних сил за жизнь, и никто из ее близких не в силах ей помочь!

Аманда – все звали ее Мэнди – плакала, обняв Майкла; Джефф присел рядом с отцом и шептал ему на ухо слова утешения. Диана сидела с другой стороны и держала Роберта за руку, но он, похоже, ничего не слышал, никого не замечал. Все его внимание было приковано к двери палаты, за матовым стеклом которой, как в странном, сюрреалистическом действе, двигались тени врачей.

Было уже начало восьмого утра, когда из палаты вышел дежурный кардиолог. Он сказал, что у Энн только что случился еще один сильнейший приступ. Объяснять, насколько серьезно ее положение, не было никакой необходимости – все, кто собрался в коридоре, поняли это. Выслушав новости, Роберт закрыл лицо руками и заплакал. Глядя на него, Эрик невольно подумал, что, если бы его любовь способна была помочь Энн, она бы уже давно пришла в себя.

Для всех это была долгая и тяжелая ночь, которая сменилась столь же тягостным утром. Диана отправилась искать больничный кафетерий, чтобы принести всем что-нибудь перекусить. Возвращаясь в комнату ожидания, куда они перебрались из коридора, она столкнулась в дверях с дежурным кардиологом. Выражение его лица было официально-отрешенным, и Диана сразу догадалась, что это значит. Машинально она сделала движение, чтобы

помешать ему войти, но было поздно – Роберт поднял голову и повернулся к двери. Ему хватило одного взгляда, чтобы понять: случилось самое худшее.

Прежде чем врач успел заговорить, Роберт резко вскочил и вытянул перед собой руки ладонями вперед.

– Нет! – выдохнул он и покачал головой, словно заранее отказываясь верить тому, что еще не было произнесено вслух. – Нет! – повторил он. – Не желаю ничего слушать!

Роберт все еще казался испуганным и потерянным, но в его взгляде отразилась какая-то непонятная решимость. Никто из собравшихся в комнате ожидания не видел его таким. Перед ними был незнакомец – чужой и страшный человек, от которого можно было ожидать любых непредсказуемых поступков.

– Мне очень жаль, мистер Смит, – негромко сказал врач. – Ваша жена не перенесла очередного сердечного приступа. Мы сделали все, что было в наших силах, но она так и не пришла в себя. Миссис Смит скончалась несколько минут назад. Мне очень жаль... – повторил он. – Примите наши соболезнования.

Роберт стоял, глядя на него невидящими глазами. Внезапно он покачнулся, и Аманда с рыданием бросилась отцу на грудь. Ни она, ни Роберт никак не могли поверить, что они потеряли Энн. Это казалось невероятным! Всего несколько часов назад Энн была жива и здорова и ужинала в компании старых друзей, и вот теперь она умерла... Роберт никак не мог этого постичь и неловко прижимал к себе дочь непослушными руками. Диана и Эрик тоже плакали, а Джефф и Майкл стояли, крепко обняв друг друга, и не пытались скрыть своих слез.

Врач заговорил о необходимых приготовлениях. Он объяснил, что тело останется в больнице, пока кто-нибудь из родственников... Слушая его, Роберт неожиданно разрыдался.

– Ка-какие приготовления? – спросил он хриплым, прерывистым голосом.

– Вам необходимо обратиться в похоронное бюро, мистер Смит, – пояснил врач. – Они сами сделают все необходимое. Еще раз – примите мои соболезнования.

С этими словами он вернулся в отделение интенсивной терапии, чтобы переговорить с сиделками и заполнить необходимые документы, а Роберт, его дети и друзья остались в комнате ожидания и молча стояли в самой середине, мешая другим посетителям, которые пришли навестить своих родственников. На часах было почти девять утра субботы, а этот день всегда бывал в больнице самым оживленным.

– Знаете что, пойдете пока к нам, – негромко предложил Эрик и, вытерев глаза платком, крепко взял Роберта под локоть. – Выпьем кофе и поговорим, так? – Он бросил взгляд на Диану, и она кивнула в ответ.

– Действительно, пойдете к нам, – сказала она, беря за руку Аманду и направляясь с ней к двери. Роберт, которого поддерживали под руки сыновья, последовал за ней, последним шел Эрик.

Пройдя по коридорам больницы, они спустились на лифте на первый этаж и вышли на улицу. Стояло морозное зимнее утро. Дождь наконец прекратился, и лужи на асфальте подернулись тонким ледком, который хрустел под ногами, точно битое стекло. На горизонте громоздились темные кучевые облака, грозившие новым проливным дождем или – если принять во внимание резкое похолодание – снежным бураном, но Роберт ничего не видел, не замечал. Он словно ослеп, оглох и онемел – он не чувствовал, как его сажали в такси, как везли по знакомым улицам Нью-Йорка, как помогали подняться по лестнице и войти в лифт.

Через пять минут они были уже в квартире Моррисонов. Там Диана усадила всех в гостиной, а сама отправилась на кухню, чтобы приготовить кофе и тосты.

– Я не понимаю... – проговорил Роберт, когда она поставила перед ним кружку крепкого кофе, куда, по совету Эрика, добавила хорошую порцию бренди. – Просто не понимаю!.. Еще вчера вечером Энн чувствовала себя отлично! Мы прекрасно провели время у Джона и Паскаль, и последнее, о чем мы говорили, перед тем как лечь спать, это о том, как хорошо нам будет летом в этом новом доме в Сен-Тропе...

– В каком новом доме? – машинально спросил Джефф, старший сын Роберта.

– В будущем августе мы собирались отдыхать во Франции с Донелли и твоими родителями, – объяснил Эрик. – И сняли там роскошную виллу. Как раз вчера мы все вместе рассматривали рекламный проспект и фотографии, и твоя мама чувствовала себя отлично. Впрочем, теперь я припоминаю, что она показалась мне усталой и бледной, но в этом не было ничего странного. Мы все знали, как много она работает, к тому же зимой большинство ньюйоркцев выглядят не лучше... Я, во всяком случае, не придавал этому особенного значения.

Теперь Эрик казнил себя за это. Ладно – остальные, но ведь он врач, он должен был насторожиться!..

– Когда мы возвращались домой, – медленно сказал Роберт, – я спросил, как она себя чувствует. Мне тоже показалось, что Энн выглядит измотанной, но она сказала, что все в порядке. Она собиралась поспать сегодня подольше!..

...И уснула навсегда. Он не сказал этих слов, но фраза повисла в воздухе, и Роберт почувствовал, как в груди нарастает тупая ноющая боль. Он вдруг вспомнил, что не попросил у врачей разрешения взглянуть на Энн, но тут же подумал, что еще увидит ее. Наверное, увидит...

Он был просто неспособен думать о чем-либо, кроме своей потери. Роберту казалось, что, если бы он мог каким-то чудом вернуться во вчерашний вечер, события бы развивались совершенно иначе. Он бы заметил, непременно заметил, что Энн не просто устала; он бы вызвал к ней врача и сумел ее спасти. В глубине души Роберт понимал, что поправить уже ничего нельзя и что, думая об этом, он только напрасно себя мучает, но справиться с собой не мог. Это было сильнее его.

Он сделал только несколько глотков кофе, не прикоснувшись к приготовленным Дианой тостам. Кусок буквально не лез ему в горло, да и голода Роберт никакого не чувствовал. Единственное, чего ему хотелось сейчас, это снова увидеть Энн, обнять ее, прижать к себе...

– Что мы теперь будем делать? – спросила Аманда и прикрыла глаза рукой. Дочери Роберта уже исполнилось двадцать пять лет, но она еще никогда не теряла родных, никогда не сталкивалась со смертью лицом к лицу. Ее бабушки и оба деда умерли, когда она была совсем маленькой, и она их почти не помнила. За всю жизнь Аманда не похоронила даже канарейки – и вот теперь лишилась

матери! Для нее этот удар оказался особенно жестоким и несправедливым.

– Я думаю, что смогу помочь вам с похоронами, – мягко сказал Эрик. – Сегодня же позвоню в фирму Фрэнка Кэмпбелла и попрошу его взять все приготовления на себя.

Фирма Кэмпбелла была солидной, уважаемой фирмой, широко известной в Нью-Йорке. Среди ее клиентов было немало знаменитостей.

– У тебя есть какие-нибудь идеи, пожелания? – повернулся он к Роберту. – Может быть... ты предпочел бы кремацию?

Этот вопрос нанес Роберту новый сильный удар. Нет, он не хотел никакой кремации. Он и думать об этом не мог. Он хотел, чтобы Энн, его Энн снова была жива, чтобы она сейчас же, сию минуту вошла в гостиную и спросила, смеясь, почему у них всех такие скорбные лица. Но, увы, этого никогда не случится. Никогда больше он не увидит своей Энн. Для Роберта это была настоящая трагедия, отнявшая у него счастье и грозившая окончательно и бесповоротно изменить всю его жизнь. Даже дети, у которых была своя жизнь, переживали это горе не так остро.

– Что я могу сделать, па? – негромко спросил Джефф. Майкл – младший сын Роберта – ничего не сказал, но повернулся к отцу, давая понять, что на него тоже можно рассчитывать. Оба уже сообщили страшную новость женам, а еще несколько минут спустя Диана вышла из комнаты, чтобы позвонить Джону и Паскаль.

Донелли были потрясены, когда она сказала им, что Энн умерла сегодня утром. Сначала они даже не поверили, что это не какой-то идиотский розыгрыш, а самая настоящая правда.

– Энн?.. – переспросила Паскаль. – Не может быть! Вчера вечером она была в полном порядке! Нет, я не верю, не могу поверить!.. Что же случилось?

Диана рассказала все, что знала, и Паскаль, не сдержавшись, заплакала. Через полчаса она и Джон тоже приехали к Моррисонам и привезли с собой огромную корзину бархатисто-черных роз.

Только в час дня Роберт вернулся наконец в свою квартиру. Он предпочел бы остаться с друзьями, но ему нужно было переодеться. В квартире все еще горел свет. Некоторое время Роберт как сомнамбула бродил по комнатам, машинально щелкая выключателями. В конце концов он забрел в ванную. Полотенца, которыми он укрывал Энн, пытаясь согреть ее, в беспорядке валялись на полу, и, глядя на них, Роберт снова почувствовал, как спазм перехватывает горло. То, что случилось, было так нелепо, несправедливо и страшно, что он никак не мог постичь ужасную истину: он потерял свою жену.

Он долго не мог справиться с собой и отдышаться. Наконец Роберт оторвался от косяка и, по привычке направившись в спальню, опустился на все еще разобранную постель, но почувствовал запах духов Энн и вскочил точно ужаленный.

Вечером они с Эриком вместе отправились к Кэмпбеллу и вместе прошли через новые мучения, связанные с необходимостью заказывать цветы, выбирать гроб, обсуждать детали предстоящей церемонии. Роберт выбрал для Энн очень красивый гроб – полированный, красного дерева, с блестящими латунными рукоятками, обитый внутри белым бархатом. Станным образом эти заботы немного отвлекли его – во всяком случае, он как-то держался. Служащий похоронного бюро сказал, что Энн привезут из больницы ближе к вечеру, и он ждал этого почти с нетерпением. Но когда Роберт увидел Энн в гробу, он не выдержал. С душераздирающим криком он упал возле него на колени и прижался лицом к неподвижному и холодному телу жены. Диана, которая была с ним в траурном зале, тоже плакала, и только Эрик держал себя в руках. Именно он вывел Роберта на свежий воздух и поручил его заботам детей.

Вечером Роберт поехал ночевать к Джеффу. Для него это было большим облегчением – Роберту было страшно даже подумать о том, чтобы возвращаться в пустую квартиру, где все напоминало ему об Энн. Аманда тоже поехала не к себе, а отправилась домой к Майклу и его жене Сьюзен. Ей, как и отцу, не по силам было оставаться в одиночестве в этот страшный день.

Донелли и Моррисоны в этот вечер тоже были вместе. Ужинали они подавленные и удрученные, в полном молчании. Невозможно было представить, что они потеряли Энн. Ведь только вчера она сидела с ними за одним столом, улыбалась, шутила, а сегодня ее не стало. А Роберт словно стал другим человеком – так тяжело он переживал смерть жены. Казалось, в нем тоже что-то умерло и никогда не воскреснет.

– Мне не хотелось бы показаться бестактной, – осторожно начала Диана, когда все четверо уже пили кофе, – но нам нужно решить один вопрос...

– Что делать со всей этой едой? – невесело пошутил Джон. Они заказали еду в одном из ближайших ресторанов, но никто из них так и не притронулся ни к пицце, ни к цыпленку, ни к ветчине. Ни у кого из четверки не было аппетита.

– Нет. – Диана покачала головой. – Что нам делать с этой виллой в Сен-Тропе? Может быть, все-таки съездим туда отдохнуть? До августа еще далеко...

– Раз уж ты рискнула быть бестактной, – заявил Джон, – я тоже хочу сказать свое слово. Если придется делить расходы не на три, а на две части, арендная плата будет слишком высока. Пожалуй, стоит отказаться от этого варианта, если, конечно, вы не собираетесь швырять деньги на ветер. Я бы лично на такие расходы не пошел...

Паскаль поерзала на стуле и, виновато покосившись на мужа, слегка пожала плечами.

– Боюсь, мы уже не сможем отказаться от дома... – сказала она почти жалобно.

– Это почему?! – возмутился Джон. – Ведь мы еще даже не дали своего согласия!

Накануне вечером они договорились, что пошлют факс во Францию в понедельник из офиса Энн.

– В том-то и дело, что мы, э-э-э... согласились. Более или менее...

– Вот тебе и раз! – Джон сердито взглянул на жену. – Что это значит – «более или менее согласились»? Я не понимаю!

– Как бы вам объяснить... – Паскаль обращалась теперь не столько к нему, сколько к Моррисонам, словно ища у них поддержки. – Ведь мы все признали, что дом очень хороший, правда? Я ужасно боялась, что кто-то его перехватит, поэтому позвонила маме и попросила ее поехать в риелторское агентство и внести аванс. Я была уверена, что вы не будете против, ведь вилла вам так понравилась!

– Превосходно... – процедил Джон сквозь стиснутые зубы. – Насколько я знаю твою мать, с тех пор как мы поженились, она не купила тебе и тюбика зубной пасты без того, чтобы ты не вернула ей деньги. С чего бы это ей вздумалось выложить денежки за дом, да еще авансом, фактически до того, как мы приняли окончательное решение?

И он смерил Паскаль суровым взглядом.

– Я сказала, что мы вернем ей деньги, – ответила Паскаль, виновато глядя на мужа. Впрочем, особой вины она за собой не чувствовала – не могла же она предвидеть того, что случилось с Энн!

– Позвони своей матери, пусть расторгнет договор и заберет деньги назад, – твердо сказал Джон.

– Боюсь, это невозможно, ведь это был не просто аванс, а... В агентстве мне сказали: если мы хотим, чтобы они придержали виллу, пока мы не дадим окончательного ответа, придется внести некоторую сумму. Если бы мы согласились, она бы пошла в счет аренды, а если отказались – деньги остались бы агентству... Таковы правила. Я же не знала, что Энн... что мы...

– Но почему, Паскаль?! Почему ты так поступила?! Кто тебя просил? – вскричал Джон. Казалось, он был вне себя от злости, но на самом деле Джон почти не сердился. Внезапная смерть Энн потрясла его, и теперь он давал выход своим эмоциям. – Боюсь, – добавил он ледяным тоном, – теперь тебе придется отдыхать в Сен-Тропе одной и за свой счет. Вряд ли кто из нас захочет составить тебе компанию. Роберт вряд ли поедет туда без Энн, а нам без него тоже будет... не слишком уютно. Так что о вилле придется забыть.

– Ну почему же? – негромко возразила Диана. – Впереди полгода, а точнее – шесть с половиной месяцев. Я надеюсь, что к этому времени Роберт немного придет в себя. Не исключено, что это путешествие пойдет ему на пользу. Он немного отвлечется, развеется... Смена обстановки всегда благоприятно действует в... в подобных случаях, к тому же если с ним будем мы, это его утешит. Я считаю, не стоит отказываться от дома. Раз уж решили – нужно ехать!

Эрик посмотрел на нее и согласно кивнул.

– Думаю, моя жена права, – сказал он. – Сначала я тоже подумал, что наш отпуск накрылся, но... В том, что говорит Диана, есть смысл.

– А что, если Роберт откажется? Не захочет – и не поедет? – возразил Джон. – Мы же не можем его заставить! В этом случае нам придется платить и его долю, а это немалые деньги! Нет, никуда я не поеду! И платить я тоже не собираюсь!

– В таком случае за этого жмота заплачу я! – с горячностью воскликнула Паскаль. – Какой же ты все-таки тип, Джон Донелли! Рад любому предлогу, лишь бы сэкономить! Ну, если ты такой, я заплачу за тебя из своих денег, а ты можешь оставаться дома, или лучше отправляйся-ка ты к своей мамочке в Чикаго! Ведь вы с ней – два сапога пара!

– С каких это пор ты стала такой щедрой? – сварливо огрызнулся Джон, и Паскаль грустно покачала головой. Ей не нравилось, как держал себя ее муж в этой непростой ситуации, но она понимала: все они слишком расстроены их общей потерей.

– Сейчас нам нужно особенно поддерживать друг друга, – сказала Паскаль с несвойственным ей смирением. – К тому же именно сейчас бедняжка Роберт нуждается в нас больше, чем когда бы то ни было, – добавила она, и Моррисоны дружно кивнули в знак согласия. Джон, таким образом, остался в меньшинстве, но он был слишком упрям, чтобы так легко сдаться.

– Я никуда не еду! – отчеканил он зло.

– Ну и не езд! А мы поедем, – спокойно сказала Паскаль и с грустью улыбнулась Эрику и Диане. – И пришлем тебе несколько открыток с видами Ривьеры, чтобы ты понял, что ты потерял.

– Возьми с собой свою мамашу, – едко посоветовал Джон. – Она будет чертовски рада!

– Возможно, я так и поступлю, – парировала Паскаль и повернулась к Моррисонам. – Итак, решено. В августе едем в Сен-Тропе.

На данном этапе это была самая простая из стоявших перед ними проблем, однако всем хотелось отвлечься от тяжелых мыслей и подумать о чем-нибудь приятном. И все же смерть подруги и состояние Роберта, который был буквально раздавлен свалившимся на него несчастьем, оставалось для них главным. Что они могли сделать для него – только быть рядом. Решение отправиться в Сен-Тропе без любимой подруги казалось им предательством, но Паскаль, чутко уловив общее настроение, в конце концов заявила, что Энн наверняка сама бы хотела, чтобы они не только отправились туда, но и взяли Роберта с собой.

– Боюсь, уговорить его будет нелегко, – заметила Диана. – Но время у нас, к счастью, есть. Давайте пошлем во Францию факс с официальным согласием, а с Робертом поговорим потом.

Она надеялась, что к тому времени и Джон тоже немного успокоится и не станет упорствовать. Но и ее не радовала перспектива отдыха теперь – когда Энн не стало и их будет уже не шестеро, а пятеро. А может быть, даже четверо.

Донелли отправились домой довольно поздно, но тем не менее они позвонили Джеффу, чтобы поговорить с Робертом – сказать, что любят его, и приободрить, но он все еще не пришел в себя и не мог говорить с ними долго. По его голосу Паскаль поняла, что Роберт с трудом сдерживает слезы, и сама едва не заплакала. Ей было непонятно, как он до сих пор держится – ведь Роберт был на ногах с четырех часов утра и, насколько Паскаль знала, не съел за это время ни кусочка. Она очень хотела сделать для него что-то, чтобы помочь ему, но не знала – что, да и вряд ли во всем мире существовало что-то такое, что могло утешить Роберта сейчас.

В конце концов Паскаль пообещала, что пойдет с ним завтра в траурный зал – проверить, все ли в порядке, и попрощаться. Похороны были назначены на вторник, и Джефф уже позвонил партнерам Энн по ее юридической фирме. Жены Джеффа и Майкла обзвонили всех знакомых и подруг Энн, чтобы известить их о несчастье, хотя некролог в газетах должен был появиться уже завтра. Роберт набросал текст еще днем, а Майкл отредактировал и отвез в редакцию «Нью-Йорк таймс».

Роберт лег спать в гостевой спальне в доме Джеффа и Элизабет, но долго не мог уснуть, хотя ему и казалось – у него не осталось никаких сил. От горя и голода (он так и не поел – просто не смог себя заставить, хотя под ложечкой давно точил голодный червячок) голова кружилась, а все окружающее виделось как в

тумане. Лежа на кровати при свете ночника, Роберт думал об Энн, о том, как невероятно, несправедливо и жестоко происшедшее с ней. Еще никогда в своей жизни он не чувствовал себя таким одиноким и несчастным. Они прожили вместе тридцать восемь счастливых лет, и вот теперь все кончилось – кончилось в один миг, когда в палате интенсивной терапии остановилось ее нежное, любящее сердце.

И Роберт был абсолютно уверен, что и его собственная жизнь закончилась.

Глава 3

Похороны Энн состоялись в церкви Святого Иакова на Мэдисон-авеню. В первом ряду сидел Роберт со своими детьми, невестками и внуками; здесь же были и четверо его лучших друзей. Церковь была полна людьми, которые хорошо знали и Роберта, и Энн, – коллегами по работе, бывшими клиентами, однокурсниками и знакомыми.

Сегодня Роберт выглядел еще хуже, чем накануне. Он плакал, не стесняясь; его дочь и оба сына тоже не сдерживали слез. Паскаль негромко всхлипывала, и Джон незаметно обнял ее за талию. Сам он изо всех сил сжимал челюсти и то и дело сглатывал подступивший к горлу комок.

Моррисоны тоже сидели с мокрыми глазами и держали друг друга за руки. Никто из них еще не осознал до конца, что Энн больше нет, хотя еще вчера, во время прощания для ближайших родственников и друзей, они видели ее лежащей в гробу. Они все еще не связывали ее смерть с тем фактом, что теперь в их неразлучной компании станет на одного человека меньше. Возможно, даже на двух, поскольку никто из них не мог предсказать, как поведет себя Роберт. Никто из них не мог предположить, как Роберт сумеет справиться со своим горем, как поведет себя, оставшись один. Они лишились дорогой подруги, но горе Роберта было несоизмеримым, ведь он потерял любимую женщину, с которой прожил душа в душу почти сорок лет.

Поминальная служба была короткой, но очень трогательной. Когда же она закончилась и все присутствующие вышли из церкви, чтобы проводить гроб до катафалка, пошел снег. Нынешняя зима выдалась достаточно капризной,

оттепель сменялась заморозками, то лил дождь, то валил снег. Сегодняшний день выдался холодным, но кладбище находилось сравнительно недалеко. Роберт с близкими отправился туда в наемном лимузине, и там, после небольшой прощальной речи, произнесенной священником, который знал его с Энн со дня их свадьбы, в последний раз попрощался с женой. Когда после этого Роберт шел обратно к машине, он был похож на живого мертвеца. Он не плакал, но в глазах у него застыли такая пустота и боль, что каждому, кто бросал на него взгляд, становилось не по себе.

После похорон все приглашенные на поминки отправились к Моррисонам. Разумеется, Роберт тоже был там, но чувствовалось, что мысли его блуждают где-то очень далеко. Прежде чем присутствующие разошлись, он исчез, никого не предупредив и не сказав ни слова даже детям. О том, что он уходит, знали только Паскаль и Джон Донелли, которого Роберт попросил отвезти его домой. Оставлять его одного они не рискнули, и в конце концов Паскаль вернулась к Моррисонам, а Джон остался с другом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/daniela-stil/francuzskie-kanikuly/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Merde (фр.) – дерьмо.

2

Бурбон – популярное в США кукурузное виски прямой перегонки, получило свое название от округа Бурбон в штате Кентукки, где первоначально производилось.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/daniela-stil/francuzskie-kanikuly-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)